

Жюль Верн
Вокруг света
в восемьдесят
дней

«Вокруг света в восемьдесят дней» — произведение французского прозаика Жюль Верна (фр. *Jules Verne*; 1828–1905).***

«Вокруг света в восемьдесят дней» — приключенческий роман Жюль Верна о кругосветном путешествии. Герои романа Фогг и Паспорту проходят через многие препятствия, чтобы вовремя возвратиться в Англию, обогнув всю Землю по кругу. Смекалка, научные знания и их умелое применение помогают главным героям выиграть невероятное пари.

Жюль Верн — автор научно-фантастических, приключенческих романов «Вокруг Луны», «Вверх дном», «Маяк на краю света», «Зеленый луч», «Плавающий город», «Два года каникул», «Михаил Строгов», «Вокруг света за 80 дней». Замысловатые сюжеты автор основывал на известных в его время научных фактах и теориях. Его произведения, в свою очередь, увлекли многих ученых, которые осуществили наяву некоторые фантазии Верна. Так появились технические изобретения, без которых невозможно представить современную жизнь.

Произведения Жюль Верна популярны во всех странах, по многим из них сняты художественные и мультипликационные фильмы. Книги писателя вызывают интерес к научному познанию мира, могут служить учебными пособиями по географии, физике, биологии, ботанике.

Романы Жюль Верна есть частью обязательной школьной программы.

Жюль Верн ВОКРУГ СВЕТА В ВОСЕМЬДЕСЯТ ДНЕЙ

I. Филеас Фогг и Паспорту сходятся друг с другом, первый в качестве господина, второй в качестве слуги

Дом под № 7 в Савиль-Роу, Борлингтон-Гарденс, где в 1814 году умер Шеридан, в текущем 1872 году занят был Филеасом Фоггом, эсквайром, одним из самых странных и самых выдающихся членов известного лондонского клуба, называемого *Reform Club*, хотя, по-видимому, он поставил себе задачей не делать ничего такого, что могло бы обратить на себя внимание.

Итак, место одного из величайших государственных людей, которыми гордится Англия, занял Филеас Фогг, лицо загадочное, о котором не знали ничего иного, только что он отличный человек и один из самых красивых джентльменов высшего английского общества.

Говорили, что он похож на Байрона, — головой, ибо и ноги у него были безукоризненные, — но на Байрона бесстрастного, охладевшего, который мог бы прожить тысячу лет и не состариться физически.

Несомненно Англичанин, Филеас Фогг может быть и не был лондонским уроженцем. Его не видали никогда ни в банке, ни на бирже и ни в одной из контор Сити. Ни бассейны, ни доки Лондона не принимали никогда ни одного судна арматором, которого был бы Филеас Фогг. Этот джентльмен не участвовал ни в каком административном комитете. Имя его никогда не раздавалось ни в коллегии адвокатов, ни в Темпле, ни в Линкольнс-Инне, ни в Грейс-Инне. Никогда не произносил он речей, ни в Канцлерском суде, ни в суде Королевиной Скамьи, ни в казначействе, ни в верховном суде. Он не был ни промышленник, ни негоциант, ни купец, ни земледелец. Он не был членом ни одного из институтов, ни одного из обществ, которыми кишит столица Англии, начиная от общества *Armonica*, до энтомологического общества, основанного главным образом с целью истребления вредных насекомых.

Филеас Фогг был членом *Реформ-Клуба* — вот и все.

Кто удивился бы, что столь таинственный джентльмен принадлежит к членам этой почтенной ассоциации, тому отвечали бы, что он вступил туда по рекомендации гг. братьев Баринг, у которых он имел открытый кредит. Это придавало ему особенное значение, так как чеки его уплачивались немедленно в его текущий счет.

Был ли богат этот Филеас Фогг? Несомненно. Но каким образом он разбогател, — этого не могли сказать люди самые сведущие, и мистер Фогг был последний, к которому можно было бы обратиться с расспросами по этой части. Во всяком случае, он не был расточителен, хотя не был и скуп, ибо повсюду где недоставало поддержки на какое-нибудь дело полезное, благородное или великодушное, он доставлял ее молча, и даже, когда было возможно, скрывая свое имя.

Вообще трудно было найти джентльмена менее сообщительного. Он говорил сколько возможно меньше, и казался еще более таинственным по своей молчаливости. Тем не менее жизнь его была у всех на виду, но то что он делал было до такой степени математически однообразно, что воображению и разгуляться было не над чем.

Путешествовал ли он? Весьма вероятно, ибо никто лучше его не знал карты земного шара. Не было такого отдаленного угла на земле, о котором бы он не имел самого точного понятия. Иногда в нескольких словах, кратких и ясных, он поправлял бесчисленные толки, ходившие в клубе о путешественниках заблудившихся или пропавших без вести; он указывал на действительные вероятности, и слова его нередко казались внушением какого-то предвидения, того что называют «вторым зрением», так как события под конец всегда их оправдывали. То был человек, который должен был путешествовать везде, по крайней мере, в воображении.

Несомненно было только одно что в течение многих лет Филеас Фогг не выезжал из Лондона. Те, кто имели честь знать его несколько ближе свидетельствовали, что никто и никогда не видал его в ином месте, кроме прямой дороги по которой он ежедневно проходил от своего жилища в клуб. Единственным занятием его было чтение газет и игра в вист. В эту игру безмолвия, столь свойственную его натуре, он часто выигрывал, но выигрыш он не прятал к себе в карман, а включал в бюджет раздаваемых им пособий. К тому же надо заметить что очевидно мистер Фогг играл для того чтоб играть, а не для того чтобы выигрывать; игра была для него сражением, борьбой против затруднений, но борьбой без движения, без перемены места, без утомления, и это также согласовалось с его характером.

Сколько известно было, у Филеаса Фогга не было ни жены, ни детей, — что может случиться с самыми честными людьми; ни друзей, ни родных, — что конечно бывает гораздо реже. Филеас Фогг жил один в своем доме в Савилль-Роу, куда никто не проникал. О его домашней жизни никогда не было речи. Для прислуги у него был только один человек. Завтракал и обедал он в клубе, в часы хронометрически определенные, в одной и той же зале, за одним и тем же столом, не угощая никого из своих товарищей, не приглашая никого постороннего; он возвращался домой только затем чтобы лечь в постель ровно в полночь, и никогда не пользовался теми комфортабельными комнатами, которые его клуб предоставляет в распоряжение своих членов. Из двадцати четырех часов он проводил десять у себя дома, где спал или одевался. Если он прогуливался, то всегда одинаково, ровным шагом, по входной зале или в крутой галерее, над которою возвышается купол с синими стеклами, поддерживаемый двадцатью колоннами из красного порфира. Когда он обедал или завтракал, клуб доставлял ему все свои роскошные припасы; подавали ему кушанья служители клуба, важные лица, одетые в черное платье и в башмаках на мягких подошвах, на особо назначенной фарфоровой посуде; в хрустальных сосудах клуба ему подавались его портвейн, херес, или кларет, приправленные различными пряностями; наконец лед клуба, привезенный за дорогую цену из американских озер, поддерживал необходимую свежесть его питья.

Если жить при такой обстановке значит быть эксцентричным, то надо сознаться что эксцентричность имеет в себе нечто хорошее!

Дом в Савилль-Роу, не отличаясь пышностью, казался чрезвычайно комфортабельным. К тому же при неизменных привычках его обитателя, услуга не представляла особой трудности. Тем не менее Филеас Фогг требовал от своего единственного служителя необыкновенной точности и аккуратности. В этот самый день, 2го октября, Филеас Фогг отпустил Джемса Форстера, так как малый этот провинился тем, что принес ему воды для бритья в 84R по Фаренгейту, вместо 86R, и ожидал его преемника, который должен был явиться к нему около половины двенадцатого.

Филеас Фогг сидел в своем кресле сдвинув ноги, как солдат на параде, упирая руками в колена, вытянув все тело и смотря на стрелку стенных часов, — снаряда весьма сложного, указывавшего часы, минуты, секунды, дни, числа и год. Ровно в половине двенадцатого мистер Фогг должен был, по своей ежедневной привычке, выйти из дома и отправиться в клуб.

В эту минуту постучались в дверь маленького салона, где сидел Филеас Фогг.

На пороге появился Джемс Форстер, уволенный служитель.

— Новый слуга, — сказал он.

Показался человек лет тридцати и поклонился.

— Вы Француз и имя ваше Джон? — спросил Филеас Фогг.

— Жан, если вам угодно, сэр, — отвечал вновь пришедший, — Жан Паспарту, — прозвище оставшееся за мною и оправдываемое мною естественною способностью выпутываться изо всякой беды. Я полагаю, что я честный человек, сэр, но должен вам сказать правду, что я занимался различными ремеслами. Я был странствующим певцом, потом состоял в цирке, где вольтижировал как Леотар и плясал на канате как Блонден; потом я сделался учителем гимнастики, чтобы принести более пользы моими дарованиями, и наконец был сержантом пожарных в Париже. Но вот пять лет как я оставил Францию, и желая насладиться семейною жизнью, служу камердинером в Англии. Теперь же, не имея места и услышав, что мистер Филеас Фогг есть самый аккуратный человек и первый домосед в Соединенном Королевстве, я являюсь к вам, сэр, в надежде жить у вас спокойно и даже позабыть это прозвище Паспарту...

— Паспарту мне нравится, — отвечал джентльмен. — Вы мне рекомендованы. Я имею о вас хорошие сведения. Условия мои вы знаете?

— Да, сэр.

— Хорошо. Который час на ваших часах?

— 12го двадцать пять минут, — отвечал Паспарту, вынимая из жилетного кармана огромные серебряные часы.

— Часы ваши отстают, — сказал мистер Фогг.

— Извините меня, сэр, но это невозможно.

— Они отстают на четыре минуты. Но это не беда — стоит заметить разницу. Итак, с этой минуты, с середины 2го октября, с 29й минуты 12го часа утра, вы находитесь у меня в услужении.

Сказав это, Филеас Фогг взял свою шляпу левою рукой, надел ее себе на голову, как автомат, и исчез, не сказав более ни слова.

Паспарту услышал, как дверь на улицу затворилась в первый раз, — то уходил его господин; потом во второй раз, — то уходил его предшественник Джемс Форстер.

Паспарту остался один в своей комнате.

II. Паспарту убеждается, что он нашел наконец свой идеал

«Клянусь честью, — сказал про себя Паспарту, еще несколько озадаченный, — я видал у мистрис Тюссо экземпляр точь-в-точь как мой новый господин». Надо заметить что «экземпляры» мистрис Тюссо не что иное, как восковые фигуры, тщательно посещаемые в Лондоне, которые сделаны так живо, что только что не говорят.

В эти несколько минут свидания своего с Филеасом Фоггом, Паспарту быстро, но внимательно рассмотрел своего будущего господина. Последний был человек лет сорока, с прекрасным, благородным лицом, великолепными зубами, росту высокого, которого отнюдь не портила небольшая полнота, с русыми волосами и бакенбардами, — лоб у него был гладкий, без морщин на висках, лицо скорее бледное, нежели румяное. Он, по-видимому, обладал в высшей степени тем, что физиономисты называют *покоем в действии*, и что составляет черту свойственную всем, кто больше делает дела, нежели производит шума. Спокойный, флегматичный, с светлым взором и неподвижными веками, он представлял собою совершеннейший тип тех хладнокровных Англичан, довольно часто встречающихся в Соединенном Королевстве, академическую осанку которых так удивительно передала кисть их соотечественницы Анджелики Кауфман. Наблюдаемый в различных фазах своей жизни, этот джентльмен напоминал собою существо отличающееся равновесием всех своих способностей, словом, столь же совершенное как хронометр Леруа или Эрнсгоу. И действительно Филеас Фогг был олицетворенная точность, что легко можно было угадать по *выражению его ног и рук*, так как у человека, равно как и у животных, члены суть выразительные органы страстей. Филеас Фогг был один из тех математически точных людей, которые никогда не спешат, а между тем всегда готовы, расчетливы в своих шагах и движениях. Он не делал ни одного лишнего шага, всегда избирая кратчайший путь. Он ни одного взгляда не бросал в потолок, не позволял себе ни одного лишнего жеста; никто никогда не видал его взволнованным или смущенным. Человек этот торопился меньше всех на свете, а между тем являлся всегда во время. Тем не менее всякий поймет, что он жил один и так сказать вне всяких социальных сношений. Он знал, что в жизни пришлось бы испытать столкновения, а так как столкновения только задерживают, то он и не сталкивался ни с кем. Что касается до Жана, прозванного Паспарту, истого Парижанина из Парижа, то в те пять лет которые он прожил в Англии, проживая в Лондоне и состоя в должности лакея, он напрасно старался найти господина к которому бы мог привязаться. Паспарту, тридцати лет от роду, был отнюдь не из тех Фронтенов или Маскарилей, которые с своими высокими плечами, поднятым кверху носом, самоуверенным видом и сухими глазами, не что иное как бесстыдные негодяи. Нет. Паспарту был славный малый, с приятною физиономией, несколько резко очерченными губами, добрый, услужливый. У него были голубые глаза, яркий цвет лица, при достаточной полноте последнего, так что он сам мог видеть скулы своих щек; широкая грудь, сложение крепкое, мускулы твердые, и геркулесовская сила, великолепно развитая упражнениями во времена молодости. Каштановые волосы его были несколько всклокочены. Если древние скульпторы умели на восемнадцать ладов убирать волосы Минервы, то Паспарту знал только один способ ладить со своими: проведет по ним раза три гребенкой, и прическа готова. Сказать, что откровенный характер этого малого сойдется с характером Филеаса Фогга — значило бы поступить вопреки самой простой осторожности. Будет ли Паспарту такой в совершенстве аккуратный служитель, какой нужен его господину, вот что может быть видно только на деле. После довольно бродячей жизни в молодости, как уже нам известно, он стремился теперь к покою. Услышав похвалы английской методичности и провербиальному хладнокровию английских джентльменов, он поехал искать счастья в Англии. Но до сих пор судьба не очень-то баловала его. Он нигде не мог основать себе прочного житья. Перебывал он уже в десяти домах, где находил причудливость, неровность характера, либо господа оказывались искателями приключений, вели бродяжническую жизнь, что никак не входило в планы Паспарту. Последний господин его, юный лорд

Лонгсферри, член парламента, после ночей проведенных в *oysters-rooms* в Гай-Маркете, часто возвращался домой на плечах полисменов. Паспарту, прежде всего желавший уважать своего господина, осмелился сделать несколько почтительных замечаний, которые приняты были в дурную сторону, и он откланялся. В это время он услышал, что мистер Филеас Фогг эсквайр ищет для себя служителя. Он навел справки об этом джентльмене. Человек, жизнь которого была такая правильная, который никогда не ночевал вне дома, никогда не путешествовал, не отлучался никуда даже на день, вполне соответствовал его вкусу. Он явился к нему и был взят в должность при вышеизложенных обстоятельствах. Паспарту — лишь только пробил половина двенадцатого, — очутился один в доме в Савилль-Роу. Не теряя времени, он стал его осматривать, начиная с чердака и кончая погребом. Дом этот, чистый, прибранный, строгий, — пуританский, отлично приспособленный для службы, понравился ему. Он произвел на него действие раковины улитки, но раковины освещенной и отопленной газом, так как углеводород удовлетворял всем потребностям света и тепла. Паспарту не без труда отыскал во втором этаже отведенную ему комнату. Она оказалась для него пригодною. Электрические колокольчики и акустические трубочки служили для сообщения этой комнаты с антресолями и первым этажом. На камине стояли электрические часы, сообщавшиеся с часами в спальне Филеаса Фогга, и оба снаряда били секунды в одно и то же время. «Это хорошо, хорошо!» сказал про себя Паспарту. Он заметил также в своей комнате записку, прикрепленную над часами. То была программа ежедневной службы. В ней значились — начиная с восьми часов утра, всегдашний час вставанья мистера Филеаса Фогга, до одиннадцати с половиной часов, когда он отправлялся из дому завтракать в клуб — все подробности службы: чай и завтрак в восемь часов двадцать три минуты, вода для бритья в девять часов тридцать семь минут, прическа в десять без двадцати минут, — все было записано, предусмотрено, распределено. Паспарту с радостью обдумывал эту программу и старался запечатлеть различные статьи ее в своем уме. Касательно гардероба господина, надо сказать, что он был очень хорош и превосходно сортирован. Каждые панталоны, сюртук или жилет снабжены были номером, означенным на списке, с указанием числа, в которое, смотря по времени года, платья эти должны попеременно носиться. Такое же распределение и для обуви. Одним словом, дом в Савилль-Роу, который по всей вероятности был храмом беспорядка во времена знаменитого, но разгульного Шеридана — снабжен был покойною мебелью, свидетельствовавшею о значительном довольстве. Не было ни библиотеки, ни книг, потому что таковые оказались бы совершенно бесполезными, так как *Реформ-Клуб* представляет в распоряжение мистера Фогга две библиотеки, одну по части литературы, другую по части юриспруденции и политики. В спальне находился несгораемый сундук средней величины, устройство коего обеспечивало его и от пожара и от воров. Во всем доме не было никакого оружия, ни военных, ни охотничьих снарядов. Все свидетельствовало о самых миролюбивых наклонностях. Разглядев в подробности все жилище, Паспарту потер себе руки, широкое лицо его осклабилось, и он радостно повторил: «Это, по-моему, вот это мое дело! Мы отлично сойдемся, мистер Фогг и я! Он домосед и такой аккуратный! настоящая механика. Ну что же, я не прочь служить механике.»

III. Разговор, который может дорого стоить Филеасу Фоггу

Филеас Фогг вышел из своего дома в Савилль-Роу в половине 12го, и поставив 1375 раз свою правую ногу впереди левой, и 1375 раз свою левую ногу впереди правой, прибыл в *Реформ-Клуб*, обширное здание в Пель-Мелле, постройка которого обошлась не менее трех миллионов.

Филеас Фогг отправился тотчас же в столовую, девять окон которой выходили в прекрасный сад, с деревьями уже позлащенными осенью. Там он занял обычное место за столом, где уже его ожидал завтрак, состоящий из *hors d'oeuvre*, из вареной рыбы, приправленной *reading sauce* первого сорта, из пунцового ростбифа, пирога начиненного зеленью, из куска честера, и в заключение из нескольких чашек чаю, специально собираемого по поручению клуба.

В сорок семь минут первого, этот джентльмен встал и направился в большую залу, великолепную комнату, украшенную картинами в богатых рамах. Там слуга подал ему неразрезанный *Times*, и Филеас Фогг принялся за трудное дело развертывания этой газеты с ловкостью, свидетельствовавшею о многолетней привычке к такой операции. Чтение этой газеты заняло Филеаса Фогга до трех четвертей четвертого, а последовавшее затем чтение *Daily Telegraph* до обеда. Обед совершился при тех же условиях, как и завтрак с присоединением к нему *royal british souce*.

В 8 часов без двадцати минут джентльмен появился снова в большой зале и погрузился в чтение *Morning Chronicle*.

Полчаса спустя стали появляться различные посетители клуба и подходить к камину, где разведен был приветливый огонь. То были обычные партнеры мистера Филеаса Фогга, и подобно ему, страстные игроки в вист: инженер Андру Стюарт, банкиры Джон Селливан и Самюэль Фаллентин, пивовар Томас Фланаган, Готье Ральф, один из администраторов Английского Банка, лица богатые и уважаемые даже в этом клубе, считающем в числе своих членов различные знаменитости промышленного и финансового мира.

— Скажите мне, Ральф, — спросил Томас Фланаган, — на чем остановилось дело о покраже?

— Должно думать, — отвечал Андру Стюарт, — что Банку придется проститься с своими деньгами.

— Я так, напротив, надеюсь, — возразил Готье Ральф, — что мы захватим виновника покражи.

Полицейские инспекторы, люди весьма ловкие, отправились в Америку и Европу, во все порты и пристани, и этому господину трудно будет от них ускользнуть.

— Значит, имеются приметы вора? — спросил Андру Стюарта.

— Во-первых, это не вор, — ответил серьезно Готье Ральф.

— Как не вор? Этот человек, который украл банковых билетов на 55 тысяч фунтов (около 400.000 руб.)?

— Нет, — сказал Ральф.

— Стало быть он промышленник? — спросил Джон Сёлливан.

— *Morning Chronicle* утверждает что он «джентльмен».

Последние слова произнес Филеас Фогг, голова которого была закрыта волнами бумаги, лежавшей около него. Вместе с тем Филеас Фогг поклонился своим товарищам, которые ответили ему тем же.

Дело, о котором шла речь и которое с жаром обсуждали газеты Соединенного Королевства, произошло за три дня до этого 29го сентября. Связка банковых билетов, составлявшая огромную сумму 55.000 фунтов, была захвачена с полки главного кассира Английского Банка. В ответ тем, кто удивлялся, что такое похищение могло совершиться так легко, товарищ управляющего Банком, Готье Ральф, ограничивался ответом, что в эту самую минуту кассир занимался внесением в регистр дохода в три шиллинга и шесть пенсов, и что нет возможности усмотреть за всем.

Но надо заметить при этом, — чем и объясняется до некоторой степени случившийся факт, — что это удивительное учреждение называемое Английским Банком заботится более всего о достоинстве публики. Нет ни сторожей, ни инвалидов, ни решеток! Золото, серебро, билеты лежат на свободе и так сказать под рукой у первого встречного. Невозможно подозревать честность какого бы то ни было прохожего. Один из лучших наблюдателей английских нравов рассказывает даже следующее: в одной из зал Банка, где он находился однажды, он любопытствовал посмотреть поближе слиток золота, весивший от семи до восьми фунтов, лежавший на конторке у кассира; он взял этот слиток, осмотрел его, передал соседу, тот другому, так что слиток этот, переходя из рук в руки, дошел до глубины темного коридора и возвратился через полчаса на прежнее место, а кассир даже и не поднял головы во все это время.

Но 29го сентября дела шли несколько иначе; связка билетов не возвратилась, и когда великолепные часы, находящиеся над *drawing-office*, пробили шесть, время, назначенное для закрытия бюро, Английскому Банку оставалось только внести 55.000 в список убытков.

Покража была засвидетельствована обычным порядком; агенты-сыщики, избранные в числе самых искусных, отправлены в главные порты: в Ливерпуль, в Глазго, в Гавр, в Суэз, в Бриндизи, в Нью-Йорк и пр., с обещанием, в случае успеха, награды в 2.000 фунтов и пяти процентов с суммы, если б она отыскалась. В ожидании сведений, которые должно было доставить следствие, немедленно начатое, сыщикам было поручено тщательно наблюдать за путешественниками при их приезде и отъезде.

Но именно так как говорил *Morning Chronicle*, было полное основание предполагать, что виновник кражи не принадлежал ни к одному из обществ воров в Англии. В течении этого дня, 29го сентября, было замечено что джентльмен, хорошо одетый, с изящными манерами, с величественною осанкой, прохаживался взад и вперед по зале выдач, бывшей театром покражи. Следствие дало возможность воспроизвести довольно верно приметы этого джентльмена, которые тотчас же разосланы были по всем полицейским властям Соединенного Королевства и материка. Вследствие этого некоторые разумные люди, — в числе их был и Ральф Готье, — имели основание надеяться, что вор не ускользнет от преследования.

Понятно что факт этот служил предметом всех разговоров как в Лондоне, так и во всей Англии. Повсюду обсуждали с жаром вероятности успеха столичной полиции. Итак, неудивительно было, что члены *Реформ-Клуба* толковали о том же предмете, тем более что один из вице-директоров Банка находился между ними.

Досточтимый Ральф Готье не хотел даже и сомневаться в успехе разысканий, выражая мнение, что обещанная премия должна сильно содействовать ловкости и усердию агентов. Но его товарищ, Андру Стюарт, далеко не разделял этой уверенности. Итак, прения продолжались между джентльменами усевшимися играть в вист, Стюартом, сидевшим против Фланагана, и Феллентином, сидевшим против Филеаса Фогга. Во время игры партнеры не говорили ни слова, но между робберами прерванный разговор закипал с новой силой.

— Я утверждаю, — сказал Андру Стюарт, — что все шансы в пользу вора, который должен быть непременно человеком весьма ловким.

— Полноте! — отвечал Ральф, — нет страны в мире где бы он мог укрыться.

— Вот еще!

— Куда же вы прикажете ему отправиться?

— Не знаю, — сказал Андру Стюард, — но что ни говорите, земля довольно велика.

— Была когда-то... — сказал в полголоса Филеас Фогг; — вам снимать, сэр! — прибавил он, предлагая карты Томасу Фланагану.

Прения приостановились на время роббера. Но вскоре Андру Стюард воскликнул:

— Как *была когда-то*? Уж не уменьшилась ли земля каким-нибудь способом?

— Без сомнения, — ответил Готье Ральф; — я разделяю мнение мистера Фогга. Земля уменьшилась, потому что ее объезжают теперь в десять раз скорее, чем сто лет тому назад. И это-то самое в настоящем случае ускорит розыски.

— И даст также вору возможность скрыться скорее.

— Ваш ход, мистер Стюард, — сказал Филеас Фогг.

Но недоверчивый Стюард не был убежден и по окончании сказал:

— Надо сознаться, мистер Ральф, что вы нашли преинтересный способ заявить, что земля уменьшилась.

Итак, потому что ее можно ныне объехать в три месяца.

— Только в 80 дней, — прервал Филеас Фогг.

— И в самом деле, господа, — прибавил Джон Селливан, — 80 дней, с тех пор как линия между Роталем и Аллагабадом была открыта в сети *Great Indian Peninsular railway* и вот расчет, представленный в *Morning Chronicle* :

— Да, 80 дней, — воскликнул Андру Стюард, покрывший по рассеянности свою старшую карту, — но не принимая в расчет непогоды, противных ветров, крушений, соскакиваний с рельсов и пр.

— Со включением всего, — отвечал Филеас Фогг, продолжая играть, — так как на этот раз прения нарушили уважение к висту.

— Даже если Индусы или Индийцы снимут рельсы! — воскликнул Андру Стюарт, — если они остановят поезда, разграбят вагоны, примутся скальпировать пассажиров?

— Со включением всего, — отвечал Филеас Фогг, оканчивая игру вскрытием двух старших козырей.

Андру Стюарт, которому приходилось сдавать, собрал карты, говоря:

— Теоретически вы правы, мистер Фогг, но на практике...

— И на практике также, мистер Стюарт.

— Желал бы я посмотреть.

— Дело зависит от вас. Поедемте вместе.

— Избави меня Боже! — воскликнул Стюарт: — Но я охотно подержу пари на четыре тысячи фунтов (около 25 тысяч рублей) что такое путешествие и на таких условиях невозможно.

— Весьма возможно, напротив, — отвечал мистер Фогг.

— Ну так сделайте его!

— Путешествие кругом света в 80 дней?

— Да.

— Очень охотно.

— Когда?

— Сейчас же. Только предупреждаю, что сделаю его на ваш счет.

— Это безумие! — воскликнул Андру Стюарт, которого начинала сердить настойчивость его партнера. — Давайте лучше играть.

— В таком случае пересдайте, — сказал Филеас Фогг, — потому что вы засдались.

Андру Стюарт схватил карты с лихорадочным движением, потом вдруг, положив их на стол, сказал:

— Хорошо, мистер Фогг, я согласен, и держу пари в четыре тысячи фунтов!

— Успокойтесь, любезный Стюарт, — сказал Фаллентин. — Тут не может быть ничего серьезного.

— Когда я сказал: держу пари, — возразил Андру Стюарт, — то это всегда дело серьезное.

— Идет! — сказал мистер Фогг, потом, обратясь к своим товарищам, присовокупил: — Я имею двадцать тысяч фунтов (около 150 тысяч рублей) положенные у братьев Беринг. Я охотно рискну ими.

— Двадцать тысяч фунтов! — воскликнул Джон Селливан. — Двадцать тысяч, которые вы можете потерять от малейшей непредвиденной задержки!

— Непредвиденного нет на свете, — отвечал спокойно Филеас Фогг.

— Но, мистер Фогг, этот промежуток в 80 дней вычислен как *minimum* времени.

— Хорошо употребленный *minimum* достаточен для всего.

— Но чтобы воспользоваться им, необходимо математически прыгать с железных дорог на пакетботы и с пакетботов на железные дороги.

— Я буду прыгать математически.

— Вы шутите.

— Добрый Англичанин никогда не шутит, если дело идет о такой серьезной вещи как пари. Я держу 20 тысяч фунтов против кого угодно, что объеду вокруг земли в 80 дней или в 1.920 часов, или во 115.200 минут. Согласны вы?

— Согласны, — отвечали Стюарт, Фаллентин, Селливан, Фланаган и Ральф, предварительно условившись между собою.

— Хорошо, — сказал Фогг. — Дуврский поезд отправляется в 35 минут одиннадцатого. Я поеду на нем.

— Сегодня вечером? — спросил Стюарт.

— Сегодня вечером, — отвечал мистер Фогг. — Итак, — прибавил он, справляясь с карманным календарем: — так как сегодня среда 2го октября, то я должен быть обратно в Лондон в этой самой зале клуба, в субботу 21го декабря в 35 минут одиннадцатого вечером; за неисполнением чего мои двадцать тысяч фунтов, находящиеся ныне у братьев Беринг, будут принадлежать вам, господа. Вот чек на эту сумму.

Пари было заключено и условие подписано шестью заинтересованными лицами. Филеас Фогг оставался совершенно равнодушен. Он, конечно, держал пари не для того чтобы выиграть и рискнул двадцатью тысячами фунтов, половиной своего состояния, — потому только что предвидел что он легко может издержать другую половину, дабы довести до конца это трудное, если даже и исполнимое предприятие. Что касается его соперников, то они, по-видимому, были взволнованы не вследствие ценности ставки, но потому что они совестились ратовать против невозможного.

Пробило девять часов. Мистеру Фоггу предложили оставить вист, чтобы сделать приготовления к отъезду.

— Я всегда готов, — отвечал этот невозмутимый джентльмен, и сдавая карты, сказал: — Бубны козыри. Ваш ход, мистер Стюарт.

IV. Филеас Фогг изумляет Паспарту, своего служителя

В 25 минут десятого, Филеас Фогг выиграл двадцать гиней в вист, простился с своими почтенными товарищами и оставил клуб. В 45 минут десятого он отворил двери своего дома и возвратился к себе.

Паспарту, добросовестно изучивший данную ему программу, был изумлен появлением г. Фогга в необычный час. По программе жилец Савилль-Роу должен был возвратиться домой ровно в полночь.

Филеас Фогг вошел сначала к себе в комнату, потом позвал:

— Паспарту!

Паспарту не отвечал. Этот возглас не мог относиться к нему. Его час еще не наступил.

— Паспарту! — повторил г. Фогг, не возвышая голоса.

Паспарту появился на пороге.

— Я во второй раз зову вас, — сказал мистер Фогг.

— Но теперь еще не полночь, — отвечал слуга, держа в руках программу.

— Знаю, — сказал Филеас Фогг, — я и не делаю вам выговора. Через десять минут мы едем в Дувр и Кале.

Нечто в роде гримасы обозначилось на лице Француза. Очевидно было, что он не расслышал.

— Вы намерены ехать? с- казал он.

— Да! Мы едем кругом света.

Паспарту, вытаращивший глаза, протянувший руки и весь как-то съежившийся, изображал собою изумление, доходившее до тупости.

— Кругом света! — пробормотал он.

— В 80 дней мы его объедем, — отвечал мистер Фогг. — Значит, нам нельзя терять ни минуты.

— Но чемоданы?... — спросил Паспарту, тревожно покачивая головой направо и налево.

— Чемоданов не нужно; взять только дорожный мешок. Туда вы положите две шерстяные рубашки, три пары чулок. Столько же возьмите для себя. Остальное будем покупать дорогой. Выньте мой макинтош и дорожное одеяло. Позаботьтесь, чтоб обувь ваша была в исправности. Впрочем, мы будем ходить пешком очень мало. Ступайте.

Паспарту хотел было отвечать и не мог. Он вышел из комнаты мистера Фогга, вошел в свою, упал на стул и воскликнул:

— Ну уж это чересчур! а я-то думал о спокойствии!..

И машинально он сделал приготовления к отъезду. Кругом света в 80 дней! Или господин его сошел с ума?... Нет, это шутка! Они поедут в Дувр — хорошо. В Кале — пусть так. Вообще это не могло быть неприятно доброму малому, который пять лет уже не видал родной земли. Может быть, они даже доберутся до Парижа, и он счастлив будет увидеть великую столицу. Но конечно, джентльмен столь экономный на свои движения остановится там... Да, конечно! Но, тем не менее, правда что он едет, джентльмен, бывший до сих пор таким отчаянным домоседом!..

В десять часов Паспарту приготовил скромный мешок, заключающий в себе гардероб его господина, и взволнованный оставил комнату, тщательно заперев ее. Он явился к мистеру Фоггу.

Мистер Фогг был готов. У него под рукой был *Bradshaw's Continental Railway Steam Transit and General Guide*, который должен был доставить ему все необходимые указания для путешествия. Он взял мешок из рук Паспарту, открыл его и положил туда толстую пачку тех красивых банковых билетов, которые ходят во всех странах.

— Вы ничего не забыли? — спросил он.

— Ничего, сэр.

— Макинтош и одеяло?

— Вот они.

— Хорошо, возьмите этот мешок.

Мистер Фогг отдал мешок слуге.

— Берегите его, — сказал он, — в нем двадцать тысяч фунтов.

Мешок едва не выпал из рук Паспарту, как будто двадцать тысяч фунтов были золотом и страшно много весили.

Тогда господин и слуга сошли с лестницы, и дверь на улицу заперта была двойным замком.

На углу Савилль-Роу стояли экипажи. Мистер Фогг с своим слугой сели в кэб, быстро направившийся в Чаринг-Кросс, к которому примыкала одна из ветвей Юго-Восточной железной дороги.

В тринадцать минут одиннадцатого кэб остановился у решетки станции. Паспарту спрыгнул на землю. За ним последовал его господин и расплатился с кучером. В эту минуту бедная нищенка, державшая за руку ребенка, стоя босыми ногами в грязи, в оборванной шляпе с жалким пером на голове, и в дырявой шали поверх лохмотьев, подошла к мистеру Фоггу и попросила у него милостыни. Филеас Фогг вынул из кармана двадцать гиней, только что выигранных им в вист, и подал нищей, говоря ей: «Возьмите, добрая женщина, я рад, что встретил вас». Затем он пошел дальше. Паспарту почувствовал, что глаза его как будто увлажнились. Он почувствовал нежность к своему господину.

Мистер Фогг и Паспарту тотчас вошли в большую залу станции. Там Филеас Фогг приказал Паспарту взять два билета первого класса в Париж. Затем, обернувшись назад, он увидел пятерых своих товарищей по клубу.

— Господа, я уезжаю, — сказал он, — и различные визы, приложенные к паспорту, который я беру с собой, позволят вам, по возвращении моем, проверить мой путь.

— О, г. Фогг, — отвечал вежливо Готье Ральф, — это бесполезно. Мы полагаемся на вашу честь джентльмена.

— Так все-таки лучше, — сказал г. Фогг.

— Вы не забыли, что вы должны возвратиться...? — заметил Андру Стюарт...

— Через восемьдесят дней, — отвечал г. Фогг, — в субботу 21го декабря 1872 года, в тридцать пять минут одиннадцатого вечера. До свиданья, господа.

В половине одиннадцатого Филеас Фогг и его слуга заняли места в одном и том же купе. В 35 минут одиннадцатого раздался свисток, и поезд двинулся. Ночь была темная. Шел мелкий дождь. Филеас Фогг, прижавшись в угол, не говорил ни слова. Паспарту, еще не опомнившийся, машинально прижимал к себе мешок с банковыми билетами. Но поезд еще не проехал Сиденгама, как Паспарту испустил крик отчаяния.

— Что с вами? — спросил г. Фогг.

— Дело в том, что я... впопыхах... в смущении... забыл...

— Что?

— Потушить газовый рожок в своей комнате!

— Ну, мой любезный, — отвечал холодно мистер Фогг, — он будет гореть на ваш счет.

V. Новая ценность появляется на Лондонской бирже

Оставляя Лондон, Филеас Фогг конечно не подозревал того шума который поднимет его отъезд. Слух о пари распространился прежде всего в *Реформ-Клубе* и произвел настоящее волнение между членами этого почтенного кружка. Потом из клуба это волнение перешло в газеты, при помощи репортеров, и из газет сообщилось публике Лондона и всего Соединенного Королевства.

Этот вопрос о кругосветном путешествии подвергался таким же горячим и страстным обсуждениям, как будто речь шла о новом Алабамском вопросе. Одни принимали сторону Филеаса Фогга, другие, — последние составили скоро значительное большинство, — высказывались против него. Такая поездка кругом света, совершаемая иначе как в теории и на бумаге, в такой *minimum* времени, при нынешних средствах сообщения казалась не только невозможностью, но просто безумием!

Times, Standard, Evening Star, Morning Chronicle и еще десятка два наиболее распространенных газет объявили себя против мистера Фогга. Один *Daily Telegraph* поддерживал его до известной степени. Фогга называли маньяком, эксцентриком, сумасбродом, и его товарищи по клубу были вообще порицаемы за то, что приняли это пари, ясно свидетельствующее о расстройстве умственных способностей придумавшего его. В первые дни на его стороне было несколько смельчаков, особенно когда *Illustrated London News* поместил его портрет, с фотографии, хранящейся в архивах клуба. Некоторые джентльмены толковали: «А впрочем, почему бы и не так? Бывали случаи более необыкновенные». То были большею частью читатели *Daily Telegraph*. Но под конец и эта газета начала сдаваться.

И действительно в *Бюллетене Королевского Географического Общества* появилась 7го октября длинная статья обсуждавшая вопрос со всех точек зрения и доказывавшая все безумие предприятия мистера Фогга. В ней доказывалось, что для успеха одного необходимо было чудесное сочетание прибытий и отбытий, которое не существует и существовать не может. В Европе, где переезды относительно умеренные, можно рассчитывать на прибытие поездов в назначенный час, но когда приходится в трое суток переезжать Индию, а в семеро Соединенные Штаты, то возможно ли ручаться за выполнение такой проблемы? Порча машин, соскакивание с рельсов, непогода, скопление снегов, все это препятствия возможные в пути. А разве пакетботам не угрожают бури и океаны, и разве лучшие ходоки не опаздывают при переезде через Океан на два и на три дня? А между тем достаточно одной задержки для перерыва всей цепи сообщений. Если Филеас Фогг опоздает на несколько часов к отъезду пакетбота, то ему придется ожидать следующего, и одним этим вся поездка его будет расстроена невозвратно.

Статья эта наделала много шума. Почти все газеты воспроизвели ее, и акции Филеаса Фогга упали значительно.

В первые дни, последовавшие за отъездом этого джентльмена, значительные дела завязались на ожидаемой судьбе его предприятия. Известно, что такое мир держащих пари в Англии, мир более разумный и возвышенный чем мир игроков. Держать пари принадлежит к темпераменту Англичанина. Вследствие этого не только члены *Реформ-Клуба* устроили значительные пари за и против Филеаса Фогга, но масса публики приняла участие в движении. Филеас Фогг был вписан, как скаковая лошадь в некоторого рода *Stud-book*. Из него сделали даже биржевую ценность, которая принята была на Лондонской бирже. Там предполагали «Филеаса Фогга» альпари или с премией, и произведены были огромные обороты. Но пять дней спустя по его отъезде, после упомянутой статьи *Бюллетеня Географического Общества*, предложения стали уменьшаться. «Филеас Фогг» упал. Его предлагали все дешевле, дешевле, и наконец почти за ничто.

У него остался только один сторонник: старый, разбитый параличом лорд Альбермаль. Досточтимый джентльмен, прикованный к своему креслу, отдал бы все свое состояние, чтоб объехать вокруг света, хоть бы в десять лет, и он подержал пари в 5.000 фунтов стерлингов в пользу Филеаса Фогга. И когда ему указывали, помимо безумия такого предприятия, на всю бесполезность его, он говорил: «Если дело это сделать возможно, то очень хорошо если Англичанин его сделает первый.»

Сторонники Филеаса Фогга становились все реже и реже, все восстали против него, и наконец, семь дней по его отъезде, случилось происшествие совершенно неожиданное, после которого его совсем перестали требовать на бирже.

И действительно в этот день, в девять часов вечера, директор лондонской полиции получил телеграмму следующего содержания:

«Из Суэза в Лондон (Англия).

«Ревону, директору полиции, центральное управление.

«Я слежу за воров в Банке Филеасом Фоггом. Высылайте немедленно приказ о задержании его в Бомбей (в Английской Индии).

«Фикс сыщик.»

Телеграмма эта имела быстрый и поразительный эффект. Достопочтенный джентльмен исчез, чтоб уступить место похитителю банковых билетов. Фотография его, помещенная в *Реформ-Клуб* вместе с фотографиями его товарищей, была тщательно исследована. Она оказалась как две капли сходною с приметам указанными в следствии. Припоминали все, что было таинственного в Филеасе Фогге, его одиночество, его быстрый отъезд, и стали находить очевидным, что это лицо под предлогом путешествия вокруг света поддерживаемого безумным пари, не имело иной цели, как сбить с толку агентов английской полиции.

VI. Агент Фикс обнаруживает весьма понятное нетерпение

Вот в каких обстоятельствах отправлена была депеша, касавшаяся мистера Филеаса Фогга.

В среду 9го октября, в 11 часов утра, в Суэзе ожидали пакетбота *Mongolia* Полуостровной и Восточной компании, винтового парохода вместимостью в 2.800 тонн и силой в 500 лошадей. *Mongolia*

совершал правильно рейсы от Бриндизи в Бомбей через Суэз. То был один из быстрейших ходоков Компании и всегда шел быстрее установленной скорости, то есть 10 миль в час между Бриндизи и Суэзом и 9Г миль между Суэзом и Бомбеем.

В ожидании прибытия *Mongolia*, два человека прогуливались по пристани посреди толпы туземцев и иностранцев, притекавших в этот город, некогда ничтожное местечко, которому дело г. Лессепса упрочило великую будущность.

Один из этих двух человек был консул Соединенного Королевства; другой маленький человечек, худощавый, со смышленным лицом, нервный, непрерывно подергивавший бровями. Из-под его длинных ресниц блистали сверкающие глаза, огонь которых он умел укрощать по произволу. В эту минуту он обнаруживал некоторые признаки нетерпения, прохаживаясь взад и вперед с лихорадочными движениями. Человек этот, Фикс по имени, был одним из тех сыщиков или английских полицейских агентов, которые были разосланы по различным путям после покражи случившейся в Английском Банке. Этот Фикс должен был самым тщательным образом наблюдать за всеми путешественниками, отправлявшимися по дороге в Суэз, и если кто-либо из них окажется подозрительным, то следить за ним в ожидании приказа об аресте. За два дня до этого Фикс только что получил от директора лондонской полиции приметы предполагаемого виновника покражи. То было описание щегольски одетого и изящного господина, который был замечен в залах Банка. Очевидно агент, привлеченный обещанною наградой в случае успеха, ожидал с понятным нетерпением прибытия *Mongolia*...

— Вы говорите, г. консул, — спрашивал он в десятый раз, — что этот пароход не опоздает?

— Нет, мистер Фикс, — отвечал консул. — Сегодня утром получено известие, что он пред портом Саидом, а 160 километров канала ничего не значат для такого ходока. Я повторяю вам, что *Mongolia* всегда получал премию в 25 фунтов, назначенную правительством за каждые 24 часа скорейшего переезда сравнительно с назначенным сроком.

— Этот пакетбот идет прямо из Бриндизи? — спросил Фикс.

— Из самого Бриндизи, где он принял индийскую почту, а оттуда он вышел в субботу в 5 часов вечера. Итак, потерпите; он придет как раз; но я право не понимаю, каким образом с полученным вами описанием примет вы узнаете нужного вам человека, если он находится на *Mongolia*.

— Г. консул, — отвечал Фикс, — этих людей скорее чувствуешь, чем узнаешь. Для этого необходимо чутье, а чутье есть специальное чувство, которому содействуют слух, зрение и обоняние. Я в жизнь мою задержал не мало таких джентльменов, и если только мой вор на пароходе, то ручаюсь вам, он не ускользнет от меня.

— От души желаю вам успеха, мистер Фикс, так как дело идет о значительной покраже.

— О покраже великолепной! — отвечал агент с восторгом. — 55 тысяч фунтов! Нам не часто дается такая благостыня! Воры измельчались, — теперь отдаются в руки полиции за какие-нибудь несколько шиллингов.

— Мистер Фикс, — сказал консул, — вы говорите так, что я от души желаю вам успеха; но повторяю вам, что по моему мнению вам это будет очень трудно при тех условиях в которых вы находитесь. Знаете ли, что по вашему описанию примет, вор этот очень похож на честного человека?

— Г. консул, — возразил догматически полицейский инспектор, — великие воры всегда похожи на честных людей. Вы понимаете, что те, кого природа наделила мошенническими физиономиями, не имеют иного исхода, как оставаться честными, иначе их тотчас же схватят. Честные физиономии и необходимо разоблачать преимущественно. Работа трудная, — я согласен, и это уже не ремесло, а истинное искусство.

Из этого очевидно, что вышереченный мистер Фикс одарен был не малою долей самолюбия.

Между тем набережная мало-помалу оживлялась. Моряки различных наций, торговцы, маклера, носильщики, феллахи собирались на нее со всех сторон. Прибытие пакетбота очевидно приближалось.

Погода была довольно хорошая, но воздух был холоден, благодаря восточному ветру. Несколько минаретов воздвигались над городом при бледных лучах солнца. На поверхности Красного Моря скользили рыбацьи или каботажные лодки; из них некоторые сохраняли еще изящные формы древней галеры.

Множество туземных рабочих трудились на другом берегу над прорытием канала, который, примыкая к Геланскому, должен будет провести пресную воду в Суэз, который терпит в ней решительный недостаток.

Расхаживая между этим населением, Фикс, по своей привычке, быстро осматривал лица всех прохожих. Пробыло половина двенадцатого.

— Видно пакетбот этот не приедет! — воскликнул он, услышав бой часов на пристани.

— Он уже недалеко, — отвечал консул.

— А сколько времени он простоит в Суэзе? — спросил Фикс.

— Четыре часа. Ровно столько времени, чтобы запастись углем. От Суэза до Адена, на оконечности Красного Моря считается 1.310 миль, и углем запастись необходимо.

— А из Суэза пароход идет прямо в Бомбей?

— Прямо и не останавливаясь.

— Значит, — сказал Фикс, — если вор пустился этою дорогой и на этом пароходе, то конечно он намерен высадиться в Суэзе, чтобы другим путем добраться до голландских или французских владений в Азии. Он не был бы безопасен в Индии, стране английской.

— Если только он не особенно как-либо искусен, — заметил консул. — Английскому преступнику гораздо удобнее скрыться в Лондоне, чем где-либо за границей.

Высказав это замечание, подавшее повод к размышлению полицейскому агенту, консул отправился в свое бюро, находившееся поблизости. Фикс остался один, объятый нервным нетерпением, с довольно странным предчувствием что его вор должен находиться на *Mongolia*; и действительно, если этот мошенник оставил Англию с намерением добраться до Нового Света, то путь в Индию менее наблюдаемый, или менее поддающийся наблюдению гораздо удобнее для этого, чем переезд через Атлантический океан.

Фикс не долго предавался этим размышлениям. Резкие свистки возвестили о прибытии пакетбота. Вся орда носильщиков и феллахов ринулась к дебаркадеру, с шумом несколько беспокойным для членов и одежды пассажиров.

Вскоре показался колоссальный корпус парохода *Mongolia*, подвигавшегося между берегами канала, и 11 часов било, когда пароход стал у пристани, и пары его с оглушительным шумом стали вылетать из труб.

Фикс поместился в нескольких шагах от выхода. Пассажиров было довольно много на пакетботе. Некоторые остались на палубе, рассматривая живописную панораму города, но большая часть их сошла на берег. Фикс пристально осматривал всех сходявших. В эту минуту один из них подошел к нему, сильною рукой растолкав феллахов, предлагавших ему свои услуги, и вежливо попросил указать ему бюро английского консула. Вместе с тем путешественник показывал ему британский паспорт, который очевидно он желал визировать.

Фикс инстинктивно взял паспорт, быстрым взглядом прочел приметы, и едва не вскрикнул. Бумага задрожала у него в руке: приметы, обозначенные в паспорте, были тождественны с теми, которые он получил от директора лондонской полиции.

— Паспорт этот не ваш? — спросил он путешественника.

— Нет, — отвечал тот, — это паспорт моего господина.

— А ваш господин?

— Он остался на пароходе.

— Но, — возразил агент, — он должен лично явиться в консульское бюро, чтобы можно было засвидетельствовать его личность.

— Как, разве это нужно?

— Необходимо.

— Где же это бюро?

— Там, на углу площади, — отвечал агент, указывая на один дом шагах в двухстах от пристани.

— В таком случае, я пойду за моим господином, которому однако будет очень не по сердцу, что его беспокоят!

С этими словами путешественник поклонился Фиксу и возвратился на пароход.

VII. Новое доказательство бесполезности паспортов в полицейском деле

Агент сошел на набережную и быстро направился к консульскому бюро. По его настоятельному требованию, его допустили тотчас же к консулу.

— Г. консул, — сказал он, без всяких предисловий, — я имею большое основание предполагать, что человек, которого я ищу, находится на *Mongolia*.

И Фикс сообщил консулу свой разговор со слугой о паспорте.

— Хорошо, мистер Фикс, — отвечал консул, — я не прочь посмотреть на этого негодяя. Но может быть он не явится ко мне в бюро, если он действительно то, что вы предполагаете. Вор не любит оставлять за собою следы, и к тому же паспортная формальность не обязательна.

— Г. консул, — отвечал он, — если это человек ловкий, как следует предполагать, то он явится.

— Визировать свой паспорт?

— Да. Паспорта служат только для того, чтобы стеснять честных людей в их движениях и содействовать бегству мошенников. Я утверждаю, что паспорт у него исправный, но надеюсь, что вы его визировать не будете...

— Это почему? Если паспорт исправен, — отвечал консул, — то я не имею права отказать ему в моей визе.

— Однако, г. консул, мне необходимо задержать здесь этого человека до тех пор, пока я не получу из Лондона приказа об его аресте.

— Это ваше дело, мистер Фикс, — отвечал консул; — что до меня касается, я не могу...

Консул не закончил своей фразы. В эту минуту постучались в дверь его кабинета, и служитель бюро ввел двух иностранцев; из них один был тот слуга, который разговаривал с сыщиком.

И действительно, то были господин и слуга. Господин подал свой паспорт, лаконически прося консула приложить к нему визу. Тот взял паспорт и внимательно прочел его, между тем как Фикс, стоя в углу кабинета, рассматривал или, точнее сказать, пожирал глазами иностранца.

Прочитав паспорт, консул спросил:

— Вы мистер Филеас Фогг, эсквайр?

— Да, сэр, — отвечал джентльмен.

— А этот человек ваш слуга?

— Да. Француз, по имени Паспарту.

— Вы едете из Лондона?

— Да.

— А куда вы едете?

— В Бомбей.

— Хорошо, сэр. Вам известно, что формальность визы излишняя и что мы уже не требуем предъявления паспорта?

— Знаю, сэр, — отвечал Филеас Фогг, — но я желаю, чтобы ваша виза свидетельствовала о моем проезде чрез Суэз.

— Как вам угодно.

И консул, пометив паспорт, приложил к нему свою печать. Мистер Фогг заплатил пошлину за визу и, холодно раскланявшись, вышел из бюро в сопровождении своего слуги.

— Ну что же вы скажете? — спросил агент.

— Я скажу, — отвечал консул, — что по наружности он совершенно честный человек!

— Может быть, — сказал Фикс, — но теперь не о том дело. Не находите ли вы, господин консул, что этот флегматический джентльмен как две капли воды похож на вора приметы которого мне присланы?

— Сознаюсь, но ведь вам лучше моего известно, что значит описание примет...

— Надо пояснить все это, — отвечал Фикс, — слуга мне кажется не такой непроницаемый как его господин, к тому же он Француз и конечно любит поболтать. До скорого свидания, г. консул.

Сказав это, агент вышел и отправился отыскивать Паспарту.

Между тем мистер Фогг, оставив консульское бюро, направил шаги свои к пристани. Пред вступлением на пароход, он дал несколько приказаний своему слуге и один взошел в свою каюту на *Mongolia*. Он взял свою записную книжку, где находились следующие заметки:

«Выехал из Лондона, в среду 2го октября, 35 минут 11го вечером.

«Прибыл в Париж в четверг, 3го октября, в 7 часов утра.

«Выехал из Парижа в четверг, 4го октября, 40 минут девятого утром.

«Прибыл в Турин через Мон-Сени в пятницу, 4го октября, 35 минут седьмого утром.

«Выехал из Турина в пятницу 20 минут восьмого утром.

«Прибыл в Бриндизи в субботу 5го октября, в 4 часа утра.

«Сел на *Mongolia* в субботу в 5 часов вечера.

«Прибыл в Суэз в среду, 9го октября, в 11 часов утра.

«Всего издержано: 156Г часов, или днями: 12Г дней.

Мистер Фогг вписал эти числа на дорожнике расположенном столбцами, который указывал — со 2го октября до 21го декабря — месяц, число, день, установленные прибытия, и прибытия действительные в каждый главный пункт: Бриндизи, Суэз, Бомбей, Калькутта, Сингапур, Гонконг, Йокагама, Сан-Франциско, Нью-Йорк, Ливерпуль, Лондон, и который давал возможность вычислить выигрыш или проигрыш времени на каждом пункте переезда.

Таким образом, этот методический дорожник давал отчет обо всем, и мистер Фогг всегда знал, идет ли он вперед или опаздывает.

Итак, в этот день, в среду 9го октября, он вписал свое прибытие в Суэз, которое, согласуясь с установленным приходом, не давало ему ни выигрыша, ни проигрыша.

Затем он приказал подать себе завтрак в свою каюту. Что касается осмотра города, то он об этом и не подумал, принадлежа к той породе Англичан, которые предоставляют своим слугам осматривать объезжаемые ими страны.

VIII. Паспарту высказывает более, чем сколько бы следовало

Через несколько минут, Фикс догнал на набережной Паспарту, который бродил и глазел по сторонам, вовсе не считая себя обязанным ничего не видеть.

— Ну что же, друг, — сказал, подходя к нему, Фикс, — паспорт ваш визирован?

— А, это вы, сэр, — отвечал Француз, — очень вам благодарен. У нас все в порядке.

— И вы осматриваете местность?

— Да, но мы едем так скоро, что мне путешествие наше представляется как бы сном. Итак, мы теперь в Суэзе?

— Да, в Суэзе.

— В Египте?

— Да, в Египте.

— Значит в Африке?

— Так точно!

— В Африке? — повторил Паспарту. — Не могу поверить. Представьте себе, сэр, я воображал, что поеду не далее Парижа, а знаменитую эту столицу я видел ровно от семи часов утра до восьми часов сорока минут, между Северною станцией и Лионскою, сквозь стекла извозчичьей кареты, в проливной дождь. Жаль очень. Хотелось бы мне видеть Пер-Лашез и цирк на Елисейских полях.

— Стало быть вы очень спешите? — спросил полицейский инспектор.

— Не я, а мой господин. Кстати, я должен купить носков и сорочек. Мы поехали без чемоданов, с одним дорожным мешком.

— Я покажу вам базар, где вы найдете все нужное.

— Как вы обязательны, сэр! — отвечал Паспарту. И оба отправились в путь. Паспарту продолжал разговаривать.

— Только бы не опоздать на пароход.

— Еще успеете, — отвечал Фикс, — теперь еще только час.

Паспарту вынул свои толстые часы.

— Какое час, что вы! теперь пятьдесят две минуты 11го.

— Ваши часы отстают, — отвечал Фикс.

— Мои часы? семейные часы, доставшиеся мне после прадеда? Они в целый год не отстают на пять минут, — они настоящий хронометр.

— Вижу теперь в чем дело, сказал Фикс. Вы поставили свои часы по лондонским, которые на два часа отстают против суэзских. Необходимо ставить свои часы по полудню каждой страны.

— Как, чтоб я дотронулся до своих часов! — воскликнул Паспарту, — ни за что на свете.

— Ну, значит, они никогда не будут по солнцу.

— Тем хуже для солнца, сэр. Неверность будет на его стороне.

И добряк с горделивою осанкой опустил часы свой в карман. Несколько минут спустя, Фикс спросил его:

— Вы внезапно оставили Лондон?

— Еще бы. В прошлую среду, в девять часов вечера, г. Фогг, вопреки своему обыкновению, вернулся из своего кружка, и в десять часов мы уже уехали.

— Но куда же едет ваш господин?

— Все прямо, вперед! Он делает объезд кругом света.

— Кругом света?! — воскликнул Фикс.

— Да, в восемьдесят дней. Он говорит будто это пари, чему, между нами будь сказано, я плохо верю. Есть ли в этом какой смысл? Нет, тут что-нибудь другое.

— О, господин Фогг оригинал и вероятно богатый человек?

— По-видимому, да, он везет с собой кругленькую сумму новыми банковыми билетами и не жалеет дорогой денег. Стойте, он обещал великолепную премию машинисту *Mongolia*, если мы гораздо раньше срока прибудем в Бомбей.

— Давно ли вы знаете своего господина?

— Я, — отвечал Паспарту, — поступил к нему в услужение в самый день нашего отъезда.

Можно себе представить какое действие произвели эти слова на взволнованный ум полицейского инспектора. Этот внезапный отъезд из Лондона, вскоре после учиненного воровства, упомянутая крупная сумма денег, такая поспешность удалиться в чужие страны, под предлогом эксцентричного пари и т. д., все это подтверждало, и должно было подтвердить подозрения Фикса. Он еще заставил поболтать Француза и уверился что последний совершенно не знает своего господина, который живет в уединении в Лондоне, слышет богачом, хотя никто не знает откуда у него такое богатство, и человеком непроницаемым, и т. д. Но в

то же время Фикс мог считать за верное то, что Филеас Фогг не выйдет на берег в Суэзе и действительно отправится в Бомбей.

— Далеко отсюда Бомбей? — спросил Паспарту.

— Довольно далеко, — отвечал полицейский. — Вам придется еще дней десять ехать морем.

— А где по-вашему Бомбей?

— В Индии.

— В Азии?

— Конечно.

— Ах черт возьми! Скажу вам, есть одна вещь, которая меня терзает!.. мой рожок!

— Какой рожок?

— Газовый рожок, который я забыл потушить, он горит на мой счет. Я рассчитал, что он стоит два шиллинга каждые двадцать четыре часа, ровно шесть пенсов лишних против того сколько я получаю, и вы поймете что если путешествие продлится...

Понял ли Фикс в чем было дело с газом? Вряд ли, потому что он более не слушал и составлял в уме решительный план действия. Между тем они подошли к базару. Фикс оставил своего спутника делать закупки, напомнил ему, чтоб он не опоздал на *Mongolia* и поспешил отправиться в бюро агента консульства. Твердый в своем убеждении, Фикс возвратился к своему обычному хладнокровию.

— Сэр, — сказал он консулу, — я не сомневаюсь что наконец нашел вора. Он выдает себя за эксцентрика, желающего объехать кругом света в восемьдесят дней.

— Стало быть, этот хитрец, — возразил консул, — рассчитывает вернуться в Лондон, обеспечив себя от преследований полиции обоих материков. Но не ошибаетесь ли вы? — спросил еще раз консул.

— Нет, не ошибаюсь.

— В таком случае для чего же вор этот засвидетельствовал визой свой проезд через Суэз?

— Не знаю для чего, сэр, но выслушайте меня.

И в нескольких словах сыщик передал главные пункты своего разговора с служителем Фогга.

— Действительно, — сказал консул, — все данные против этого человека. Что же вы будете делать теперь?

— Отправлю в Лондон телеграмму с настоятельным требованием о присылке мне в Бомбей приказа об аресте, затем сяду на *Mongolia* и провожу молодца до Индии, а там, на английской почве, вежливо обращусь к нему с приказом в руке.

Слова эти он произнес холодным тоном, простился с консулом и отправился в телеграфное бюро. Там он послал директору лондонской полиции вышеупомянутую телеграмму. Четверть часа спустя. Фикс с легким багажом в руке, но с хорошим запасом денег, сел на *Mongolia*, и быстрый пароход на всех парах полетел по волнам Красного Моря.

IX. Красное и Индийское моря благоприятствуют планам Филеаса Фогга

Расстояние между Индией и Суэзом ровно тысяча триста десять миль, и в объявлении компании для пакетботов положено сто тридцать восемь часов на переезд чрез это пространство. *Mongolia*, пары, которой были во всей силе, должна была придти раньше назначенного срока. Большинство пассажиров, севших в Бриндизи, отправлялось в Индию, одни в Бомбей, другие в Калькутту, но через Бомбей, потому что с тех пор как по всему Индийскому полуострову стала проходить железная дорога, оказалось более не нужным огибать остров Цейлон. В числе пассажиров *Mongolia* находились разные гражданские чиновники и офицеры всех разрядов. Последние принадлежали частью к так называемой британской армии, другие командовали туземными войсками сипайев, и все с значительным содержанием даже в настоящую минуту, когда правительство взяло на себя права и обязанности прежней Ост-Индской компании. И так хорошо жилось на пароходе *Mongolia*, в обществе всех этих служащих, к которым следует причислить и несколько юных Англичан, — последние с миллионом в кармане ехали в чужие края основывать торговые конторы. *Purser*, то есть доверенное лицо компании, равный капитану парохода, делал все на широкую руку. За утренним завтраком, за завтраком в два часа, за обедом в 5½ часов, за ужином в 8 часов вечера, столы гнулись под тяжестью блюд со свежими мясами и соусами. Дамы, — их было несколько на пароходе, — по два раза в день меняли туалет. Устраивались музыкальные вечера, танцевали даже, когда позволяло море. Но Красное Море очень капризно и слишком часто бывает неблагоприятно, как все эти узкие, длинные заливы. Когда ветер дул со стороны Азии или Африки, *Mongolia* качалась ужаснейшим образом. Тогда дамы исчезали, фортепиано умолкало, пение и танцы внезапно прекращались. А между тем, несмотря на бурю, несмотря на зыбь, пакетбот, влекомый своею могущественною машиною, шел безостановочно по направлению к проливу Бабель-Мандебскому. Что же делал все это время Филеас Фогг? Подумают что, смущенный, тревожный, он постоянно следил за переменой ветров, опасных для хода судна, за беспорядочными движениями зыби,

грозившими повредить машину, наконец, за всеми возможными повреждениями, которые могли бы понудить *Mongolia* остановиться в каком-нибудь порте и тем самым расстроили бы все путешествие? Ни мало, или, по крайней мере, если этот джентльмен и помышлял о подобных случайностях, то отнюдь не показывал этого. Он был все тот же бесстрастный человек, невозмутимый член Реформ-Клуба, которого никакое событие не могло застать врасплох. Он был не более взволнован, чем хронометры на пароходе. Его редко видали на палубе. Он и не думал делать наблюдений над Красным Морем столь богатым воспоминаниями, и представлявшим собой театр первых исторических сцен человечества. Он не старался узнавать любопытных городов, рассеянных по берегам, — живописный их облик рисовался по временам на горизонте. Он даже не думал об опасностях этого Аравийского залива, о котором древние историки, Страбон, Арриан, Артемидор, всегда отзывались с ужасом, и на котором мореходы никогда не отваживались плавать, не обеспечив наперед своего путешествия очистительными жертвами. Что же делал этот оригинал, заключенный в *Mongolia*? Во-первых, он четыре раза в день совершал свою трапезу, так как никакая качка не могла расстроить этого удивительного организма. Затем он играл в вист. Да, он встретил таких же ярких партнеров, как и он сам: сборщика пошлин, возвращавшегося к своей должности в Гоа, священника, преподобного Децимуса Смита, возвращавшегося в Бомбей, и бригадного генерала английской армии, ехавшего к своему корпусу в Бенарес. Эти три пассажира испытывали одинаковую с мистером Фоггом страсть к висту, и играли целые часы в таком же молчании, как и он сам. Что же касается Паспарту, то морская болезнь до сих пор щадила его. Он занимал каюту в передней части судна и ел одинаково добросовестно. Нужно признаться что путешествие, происходившее при таких условиях, уже нравилось ему. Он пользовался им вполне. При вкусной еде и хорошем помещении, он любовался окружавшею его местностью, да к тому же уверял себя, что вся эта фантазия окончится в Бомбее. На другой день после отъезда своего из Суэза, 9го октября, он не без удовольствия встретил на палубе обязательного человека, к которому он обратился при вступлении своем на африканскую почву.

— Кажется, я не ошибаюсь, — сказал он, подходя к нему с самою любезною улыбкой, — это вы, сэръ, так обязательно услужили мне в Суэзе?

— Точно так, — отвечал сыщик, — теперь узнаю вас! вы служитель этого оригинала Англичанина.

— Именно, мистер...?

— Фикс.

— Мистер Фикс, — отвечал Паспарту. — Очень счастлив, что встретил вас здесь. Куда же вы едете?

— В Бомбей, как и вы.

— Тем лучше. Совершали вы уже это путешествие?

— Много раз, — отвечал Фикс. — Я агент Ост-Индской компании.

— Стало быть, вам знакома Индия?

— Н...да, — отвечал Фикс, не желавший слишком распространяться.

— Интересная страна Индия?

— Очень интересная. Там мечети, минареты, храмы, факиры, пагоды, змеи, баядерки. Но ведь вы успеете осмотреть эту страну.

— Надеюсь, мистер Фикс. Вы поймете что невозможно человеку со здравым смыслом проводить время в перескакивании с пакетбота на железную дорогу и с железной дороги на пакетбот, под предлогом кругосветного путешествия в течении восьмидесяти дней. Нет, вся эта гимнастика окончится в Бомбее, поверьте мне.

— А здоров мистер Филеас Фогг? — спросил Фикс самым естественным тоном.

— Совершенно, мистер Фикс. Я тоже. Я ем как проголодавшийся людоед. Вероятно действие морского воздуха.

— А ваш господин? Я его никогда не вижу на палубе?

— Никогда, он не любознателен.

— Знаете что, мистер Паспарту, не скрывается ли под этим предполагаемым путешествием в восемьдесят дней какая-нибудь тайная миссия... миссия дипломатическая... например.

— Право, мистер Фикс, ничего не знаю, признаюсь вам, и в сущности не дам и полкроны за то чтоб узнать это.

Со времени этой встречи, Паспарту и Фикс часто разговаривали вместе. Полицейский инспектор старался сблизиться с служителем мистера Фогга. Это могло при случае ему пригодиться. Таким образом, он часто угощал его в буфете *Mongolia* несколькими стаканами виски или пэль-эля, которые добряк принимал без церемонии и даже отдавал назад, чтоб не оставаться в долгу, — находя при этом что мистер Фикс вежливый джентльмен. Между тем пакетбот быстро подвигался вперед. 13го уже видна была Мокка, опоясанная развалинами стен, над которыми высились цветущие финиковые пальмы. Вдали, в горах, открывались обширные поля кофейных деревьев. Паспарту с восторгом глядел на этот знаменитый город и даже нашел что с своими кругообразными стенами и разрушенным фортом — он представляет вид огромной

полу-чашки. В продолжении следующей ночи *Mongolia* пересекла пролив Бабель-Мандебский, арабское имя которого означает: *врата слез*, и на следующий день, 14го, она остановилась в Стимер-Пойнте, к северо-западу от Аденского рейда, для того чтобы запастись топливом. Снабжение пакетбота топливом — дело очень серьезное и важное, на таком расстоянии от центров производства. Для Ост-Индской Компании это составляет ежегодный расход в восемьдесят тысяч фунтов (20 миллионов франков). Надлежало устроить склады во многих портах, и в этих отдаленных морях уголь обходится по восемьдесят франков за тонну. *Mongolia* оставалось еще сделать тысячу шестьсот пятьдесят миль, прежде чем достигнуть Бомбея, а в Стимер-Пойнте она должна была стоять часа четыре, чтобы запастись углем. Но эта остановка не могла ни в каком случае расстроить программу Филеаса Фогга; она была предугадана, тем более что *Mongolia* вместо того чтобы прийти в Аден только 15го октября утром, достигла его 14-го. Значит, здесь он выиграл пятнадцать часов. Мистер Фогг и его слуга сошли на берег. Джентльмен хотел визировать свой паспорт. Фикс следовал за ним незамеченный. По исполнении формальностей визы, Филеас Фогг возвратился на *Mongolia* к своей прерванной партии. Паспарту тем временем побродил, по своему обыкновению, среди этого слияния Соманлисов, Банианов, Парсисов, Евреев, Арабов, Европейцев, составляющих 25ти тысячное население Адена. Он полюбовался укреплениями, делающими из этого города Гибралтар Индийского моря, и великолепными цистернами, над которыми работали еще английские инженеры, более двух тысяч лет спустя после инженеров царя Соломона.

«Очень любопытно, очень любопытно! — говорил про себя Паспарту, возвращаясь на пароход. — Я вижу, что не бесполезно путешествовать, если желаешь увидеть что-нибудь новое.» В шесть часов вечера *Mongolia* зашумела своими колесами в Аденском рейде и полетела в Индийское море. Она имела сто шестьдесят восемь часов для своего переезда от Адена до Бомбея. Впрочем, Индийское море благоприятствовало ей. Ветер дул северо-западный. Паруса явились на помощь к парам. Судно, державшееся тверже, меньше качалось. Пассажирки в свежих туалетах снова появились на палубе. Пение и танцы возобновились. Путешествие совершалось при лучших условиях. Паспарту был в восторге от любезного товарища, которого судьба послала ему в лице мистера Фикса. В воскресенье 20го октября, около полудня, показался берег Индии. Два часа позже, лоцман взшел на *Mongolia*. На горизонте, на заднем плане, тянулась гармоническая линия гор в небесной синеве. Скоро выделились ряды пальм, украшающих город. Пакетбот вступил в рейд, образуемый островами Сальсетом, Колабой, Элефантой и Бутчером, и в половине пятого подходил к набережной Бомбея. Филеас Фогг оканчивал в то время тридцать третий роббер в тот день; он и его партнер, благодаря отважному маневру, сделали тринадцать леве, закончив этот переезд блистательным шлемом. *Mongolia* должна была прибыть в Бомбей не ранее 22-го октября, а между тем очутилась здесь 20го. Стало быть, со времени отъезда своего из Лондона, Филеас Фогг имел два дня в выигрыше, что он и записал методически в своей дорожной книге на льготном столбце.

Х. Паспарту очень счастлив, что отделался потерей своей обуви

Всем известно, что Индия, этот опрокинутый треугольник, основание которого на севере, а вершина на юге, включает в себе поверхность в 1.400.000 квадратных миль, по которому не равномерно распределено население во 180 миллионов жителей. Британское правительство пользуется действительным господством над известною частью этой громадной страны; оно содержит генерал-губернатора в Калькутте, губернаторов в Бомбее, Мадрасе и Бенгалии, и вице-губернатора в Агре.

Но английская Индия в собственном смысле включает в себе не более 700.000 кв. миль и население от 100 до 120 миллионов. Это доказывает, что значительная часть территории еще не подчиняется власти королевы; и действительно у некоторых дикарей внутренней Индии, страшных и свирепых, сохранилась еще вполне независимость Индусов.

С 1756 года, когда основано было первое английское учреждение на месте занимаемом ныне городом Мадрасом, до того года когда вспыхнуло страшное возмущение сипаев, знаменитая Ост-Индская Компания была всемогуща. Она присоединила к себе мало-помалу различные провинции, купленные у раджей ценою рент, которые она выплачивала плохо или совсем не выплачивала; она назначала своего генерал-губернатора и всех гражданских и военных чиновников; но теперь она не существует более, и английские провинции Индии непосредственно подчинены короне.

Вследствие этого, вид страны, нравы, этнографические подразделения полуострова изменяются ежедневно. В былое время путешествия совершались всеми старинными способами передвижения: пешком, верхом, в телеге, в паланкине и пр. Теперь пароходы быстро бороздят воды Инда, Гангеса, и железная дорога прорезывающая Индию во всю ее ширину, разветвляясь на пути, отделяет только на три дня Бомбей от Калькутты.

Линия этой железной дороги не направляется прямо поперек Индии. Прямое расстояние не более 1.100 миль, и поезда даже со среднею скоростью прошли бы его менее чем в трое суток, но расстояние это

увеличивается на одну треть по крайней мере изгибом который делает железная дорога уклоняясь к Аллагабаду, на север полуострова.

Вот в главных чертах линия *Great Indian Peninsular Railway*. Оставляя Бомбей, она проходит Сальсетту, поворачивает на материк насупротив Таннаха, пересекает восточный Гатес, идет к северо-востоку до Бургампура, перерезывает почти независимую территорию Бунделькунда, поднимается до Аллагабада, вдается к востоку, встречается с Гангом в Бенересе, слегка уклоняется от него, и поднимаясь к юго-востоку через Бурдиван и французский город Шандерногор, прямо идет в Калькутту.

В половине пятого вечера, пассажиры *Mongolia* высадились в Бомбее, а калькуттский поезд отправлялся ровно в восемь часов.

Итак, мистер Фогг простился с своими партнерами, оставил пакетбот, приказал своему слуге сделать несколько покупок, напомнил ему что он непременно до восьми часов должен быть на станции, и своим мерным шагом, похожим на бой маятника в астрономических часах, направился к бюро паспортов.

Таким образом, он ни мало не думал об осмотре достопримечательностей Бомбея, ни его Городской Думы, ни его великолепной библиотеки, ни фортвов, ни доков, ни хлопкового рынка, ни базаров, ни мечетей, ни синагог, ни армянских церквей, ни великолепной пагоды Молаебор-Гилля, украшенной двумя многоугольными башнями. Он не намерен был осматривать ни чудес Элефанты, ни молитвенных пещер острова Сальсетты, ни изумительных памятников буддистского зодчества.

Нет! он ни о чем подобном не думал. Вышедши из бюро паспортов, Филеас Фогг преспокойно отправился на станцию железной дороги и приказал подать себе обедать. Между прочими кушаньями хозяин гостиницы особенно рекомендовал ему фрикасе из «туземных кроликов», о котором ему насказал чудес.

Филеас Фогг велел подать фрикасе, которое и попробовал добросовестно, но, несмотря на соус подправленный пряностями, нашел его никуда негодным.

Он позвал хозяина гостиницы.

— Вы говорите, что это кролик, вот это? — спросил он, смотря на него пристально.

— Да, милорд, — отвечал тот нахально, — кролик из жонгл.

— А он не мяукал, когда его убивали?

— Мяукал? О, милорд! кролик? Клянусь вам.

— Г. содержатель гостиницы, — холодно прервал мистер Фогг, — не клянитесь и помните вот что: бывало в Индии кошки считались священными животными. То было хорошее время.

— Для кошек, милорд?

— А также и для путешественников.

Сделав это замечание, мистер Фогг продолжал спокойно обедать.

Несколько минут спустя после мистера Фогга, агент Фикс также сошел с парохода и побежал к директору бомбейской полиции. Он объяснил ему свое звание сыщика, поручение ему данное, положение свое относительно предполагаемого похитителя банковых билетов. Получен ли из Лондона приказ об аресте? Ничего не было получено. И действительно, приказ, отправленный после Фогга, не мог еще быть получен.

Фикс пришел в смущение. Он попытался испросить у директора приказ о задержании мистера Фогга. Директор отказался. Дело касалось лондонской администрации, и она одна могла дать законный приказ. Эта строгость принципов, это неуклонное соблюдение законности вполне объясняются английскими нравами, которые в деле личной свободы не допускают никакого произвола.

Фикс не настаивал и понял, что ему следует покориться своей участи и ждать приказа. Но он решил не терять из виду своего непроницаемого мошенника во все время его пребывания в Бомбее. Он не сомневался, что Филеас Фогг останется там, — таково было убеждение и Паспарту, — что даст возможность прибыть приказу об аресте.

Но по последним приказаниям, которые дал ему его господин, оставляя *Mongolia*, Паспарту хорошо понял, что с Бомбеем будет то же, что было с Суэзом и Парижем, и что путешествие не кончится здесь, что оно будет продолжаться, по крайней-мере, до Калькутты, а может быть пойдет и далее. И он принялся себя спрашивать, уж и не впрямь ли мистер Фогг подержал серьезное пари, и не жестокий ли рок увлекает его, желавшего пожить на покое, к совершению кругосветного путешествия в восемьдесят дней?

Между тем, закупив несколько рубашек и чулок, он прогуливался по улицам Бомбея. В этот день там было огромное стечение народа, и посреди Европейцев всех наций, мелькали Персияне, Армяне, Индусы, Парсисы в своих оригинальных одеждах. Именно последние праздновали какое-то важное событие. Эти Парсисы или Гвебры, прямые потомки последователей Зороастра, самые промышленные, смышленные, образованные и самые строгие из всех Индусов, и к их племени в настоящее время принадлежат богатейшие туземные негоцианты Бомбея. В этот день у них происходил какой-то религиозный карнавал, с процессиями и увеселениями, в которых участвовали баядерки, одетые в розовые газовые платья, вышитые золотом и серебром, которые под звуки скрипок и барабанов плясали удивительно, но с соблюдением всевозможной благопристойности.

Едва ли нужно говорить, что Паспарту с изумлением и любопытством следил за всем, что у него было пред глазами; к несчастью для него и для его господина, любопытство увлекло его за пределы благоразумия.

Наглядевшись на карнавал Парсисов, Паспарту направлялся к станции, когда, проходя мимо чудной пагоды Малевар-Гилля, он возымел нелепую мысль осмотреть ее внутренность. Он не знал двух вещей: во-первых, что доступ в некоторые индусские пагоды формально запрещен христианам, и, во-вторых, что сами верующие не могут вступать в них не оставив своей обуви у дверей. Надо заметить, что руководствуясь здравой политикой английское правительство требует уважения к туземной религии во всех даже незначительных подробностях и строго наказывает за нарушение предписанных на этот предмет правил.

Взошед туда, Паспарту, не думая ничего дурного, любовался, как всякий турист, ослепительным блеском браминских украшений, как вдруг его опрокинули на священный помост храма. Три жреца с яростными взглядами бросились на него, сорвали с него башмаки и чулки и принялись осыпать его ударами, испуская дикие крики.

Француз, сильный и ловкий, быстро вскочил на ноги, ударом кулака и ноги оттолкнул двух своих противников, которые упали, путаясь в своих длинных одеяниях, и бросился со всех ног из пагоды; он вскоре успел ускользнуть от третьего Индуса, который погнался за ним, собирая толпу.

В восемь часов без пяти минут, то есть за пять минут до отхода поезда, без шляпы, босой, потеряв в свалке сделанные им покупки, Паспарту прибежал на станцию железной дороги. Фикс был там на дебаркадере. Он последовал на станцию за мистером Фоггом. Он понял что этот «мошенник» уезжает из Бомбея. Он решился последовать за ним до Калькутты и даже далее, если потребуется. Паспарту не заметил Фикса, стоявшего в тени, но Фикс слышал, как Паспарту в кратких словах сообщал мистеру Фоггу о своих приключениях.

— Надеюсь, что вперед этого с вами не случится, — сказал спокойно Филеас Фогг, занимая место в одном из вагонов.

Фикс собирался сесть в особый вагон, как вдруг новая мысль мелькнула в его уме, и он вдруг изменил свой план. «Нет, я остаюсь, — сказал он сам себе. — Проступок, учиненный на индийской территории... Человек этот у меня в руках.»

В эту минуту раздался оглушительный свист локомотива, и поезд исчез в ночной темноте.

XI. Филеас Фогг покупает слона за баснословную цену

В назначенный час поезд двинулся в путь. Между пассажирами были офицеры, гражданские чиновники и продавцы опиума и индиго, отправлявшиеся в восточную часть полуострова по делам торговли.

Паспарту поместился рядом со своим господином. В противоположном углу сидел третий путешественник.

Путешественник этот был бригадный генерал, сэ-р-Френсис Кромарти, бывший одним из партнеров мистера Фогга во время переезда из Суэза в Бомбей и отправлявшийся к своей армии, квартировавшей близ Бенареса.

Сэр-Френсису Кромарти, отличившемуся во время последнего восстания сипайев, было около пятидесяти лет. Своим высоким ростом и светлыми волосами он чрезвычайно походил на туземцев. С юных лет он жил в Индии и редко посещал свою родину. Он хорошо был знаком с обычаями, историей и государственным устройством Индии и охотно поделился бы своими сведениями с Филеасом Фоггом, если бы последний сколько-нибудь интересовался ими. Но Филеас Фогг не интересовался ничем. Он не путешествовал, он только передвигался с одного места на другое; он изображал собою тело совершавшее путь вокруг земного шара согласно законам рациональной механики. В настоящую минуту он высчитывал в уме, сколько часов прошло со времени его отъезда из Лондона, и с самодовольством потер бы себе руки, если б излишние движения не противоречили его натуре.

Сэр-Френсис Кромарти понял своего оригинального спутника, хотя он видел его только за карточным столом. Он спрашивал себя: могло ли биться под этою ледяною оболочкой человеческое сердце, и способен ли был Филеас Фогг понимать красоты природы и преследовать какие-либо нравственные цели? Он не взялся бы утвердительно отвечать на эти вопросы. Ни один из оригиналов, которых случалось видеть генералу, не мог сравниться с этим живым олицетворением математики.

Филеас Фогг не скрывал от сэ-р-Френсиса причины побудившей его предпринять кругосветное путешествие. Генерал видел в его пари эксцентричность, которая не основывалась ни на какой серьезной цели и лишена была того *transire benefaciendo* которым должен руководиться каждый разумный человек. Очевидно было, что странный джентльмен намеревался «ничего не сделать» ни для себя, ни для других.

Час спустя после отъезда из Бомбея, поезд, перерезывая виадуки, перешел через остров Сальсету и неся по материку. Миновав ветвь, идущую к юго-востоку от станции Каллиана, он достиг западных Гат,

начинающихся от станции Пауэлла; здесь дорога шла между базальтовых скал, высочайшие вершины которых покрыты были густым лесом.

Сэр-Френсис Кромарти и Филеас Фогг повременам обменивались отрывочными словами, и генерал, для поддержания разговора, заметил:

— Несколько лет тому назад, мистер Фогг, вы встретили бы в этом месте задержку, которая могла бы помешать осуществлению вашего плана.

— Почему же, сэр-Френсис?

— Потому что поезд останавливался у подножия этих гор, и отсюда приходилось перебираться в паланкинах или верхом на пони до станции Кандаллаха, находившейся у противоположного склона.

— Подобная остановка не могла бы расстроить моих планов, — отвечал мистер Фогг. — Рассчитывая время, я предвидел возможность промедления.

— Однако, мистер Фогг, вы рисковали иметь большие неприятности, благодаря вашему слуге.

Паспарту между тем спал крепким сном, закутав ноги в свое дорожное одеяло, и не чувствовал того что он был предметом разговора.

— Английское правительство чрезвычайно строго относится к преступлениям такого рода, и оно совершенно право. Оно строго преследует неуважение религиозных обрядов Индусов, и если бы ваш служитель был захвачен...

— Если б он был захвачен, сэр-Френсис, — возразил Фогг, — то он был бы подвергнут наказанию, а по освобождении своем он снова возвратился бы в Европу. Но задержание его ни в каком случае не могло бы замедлить моего путешествия.

И затем разговор снова прервался. Ночью поезд окончил переход через Гаты, останавливался в Нассике, и на другой день, 21го октября, он достиг довольно ровной местности, образуемой Кандейшскою территорией. Среди тщательно возделанных полей часто попадались небольшие селения, над которыми возвышались минареты пагод, заменяющие колокольни христианских церквей. Многочисленные притоки Годавери орошали плодородную местность.

Паспарту проснулся и смотрел в окно; ему не верилось, что он едет по стране Индусов, в вагоне *Great Peninsular Railway*. Действительность казалась ему неправдоподобною. Локомотив, направляемый рукой английского машиниста и согреваемый английским углем, несся между бумажных, кофейных, мускатовых плантаций, между полей засеянных гвоздикой и красным перцем; дым, исходивший из него, извивался спиралью между высокими пальмами, под тенью которых укрывались живописные селения и по временам фантастические храмы, разукрашенные всеми чудесами причудливости индийской архитектуры. Местами виднелись обширные поляны, изобилующие змеями и тиграми, пугавшимися свистка локомотива, и леса, до сих пор еще населенные слонами, задумчиво смотревшими на пронесившийся мимо них поезд.

Проехав станцию Маллиагаум, наши путешественники достигли злополучной территории, которая так часто орошалась кровью поклонников богини Кали. Вдали виднелись прекрасные пагоды Эллары и бывшая столица свирепаго Ауруг-зеба, Ауругабад, ныне главное место одной из провинций, отложившихся от королевства Низама. Некогда этою страной, по которой теперь ехали наши путешественники, управлял Ферингеа, известный под названием предводителя Тугов и короля удушителей; подданные его поклонялись богине смерти и ежегодно приносили ей человеческие жертвы, но без пролития крови, и было время, когда в стране их на каждом шагу можно было отрыть труп. Английское правительство приняло энергические меры против этого варварского обычая, но до сих пор не может еще окончательно искоренить его.

В половине первого пополудни, поезд остановился на станции Бургампур, где Паспарту купил себе чуть не на вес золота туфли, вышитые бусами, которые он тотчас же надел с очевидным удовольствием.

Путешественники наши наскоро позавтракали и отправились снова к станции Ассургур по берегу Тапти, небольшой речки, впадающей в Камбайский залив, близь Сурата.

Читателям не излишне будет узнать мысли занимавшие Паспарту. До прибытия в Бомбей, он надеялся, что этим и ограничится их путешествие. Но с тех пор как они неслись на всех парах через Индию, мысли его приняли другой оборот. Вся живость его природы снова к нему возвратилась. Он поверил в возможность осуществления планов своего господина, поверил в действительность пари и в возможность кругосветного путешествия и условного срока. Он уже опасался задержек; он так сочувственно относился к пари своего господина, как будто сам принимал в нем участие, и содрогался при мысли, что накануне еще он придавал ему так мало значения. Он не был флегматиком, подобно мистеру Фоггу, и сильно волновался за него. Он беспрестанно пересчитывал дни, проведенные ими в пути, проклинал остановки поезда и *in petto* порицал мистера Фогга за то, что он не обещал премии машинисту. Он не понимал различия между паром и поездом железной дороги, скорость которого не может измениться по произволу.

Вечером поезд достиг Сютпурских гор, отделяющих территории Кандейшскую от Бунделькундской.

22го октября, в восемь часов утра, на расстоянии пятнадцати миль к востоку от станции Роталья, поезд остановился среди обширной поляны, окаймленной хижинами поселян и ремесленников. Кондуктор прошел вдоль вагонов и объяснил, что поезд не идет далее.

Филеас Фогг взглянул на сэра-Френсиса, изумленного этою остановкой посреди леса.

Паспарту, удивленный не менее своего соседа, бросился из вагона, и тотчас же воротившись, воскликнул:

— Сэр! дальше нет железной дороги.

— Что это значит? — спросил сэр-Френсис Кромарти.

— Железная дорога здесь оканчивается.

Генерал вышел из вагона. Филеас Фогг медленно последовал за ним; они оба подошли к кондуктору.

— Где же мы находимся? — спросил сэр-Френсис Кромарти.

— В селении Кольби, — отвечал кондуктор.

— Мы здесь должны остановиться?

— Конечно. Дорога еще не окончена...

— Как! дорога не окончена?

— Нет еще. Она здесь прерывается на пятьдесят миль и снова возобновляется только с Аллагабада.

— Как же в газетах объявлено было о совершенном окончании пути?

— Что прикажете делать, генерал? газеты ошиблись.

— Но вы даете билет от Бомбея до Калькутты! — воскликнул раздраженный сэр-Френсис Кромарти.

— Конечно, — возразил кондуктор, — но путешественникам известно, что от Кольби до Аллагабада они не могут ехать по железной дороге.

Сэр-Френсис Кромарти был взбешен. Паспарту, едва не бросившийся на кондуктора, не смел взглянуть на своего господина.

— Сэр-Френсис, — спокойно проговорил мистер Фогг, — если вы желаете переправиться в Аллагабад, то нам не мешает подумать, каким образом мы совершим это путешествие.

— Мистер Фогг, тут дело идет о промедлении, которое может повести к расстройству ваших планов.

— Вы ошибаетесь, сэр-Френсис, промедление было мною предвидено.

— Неужели вы знали что дорога...

— Конечно нет. Но я предвидел, что рано или поздно может последовать остановка. Планы мои несколько этим не расстроятся. Я могу промешкать два дня. 25го числа, в полдень, из Калькутты должен идти пароход в Гонконг. Сегодня еще 22е число, и мы имеем достаточно времени, чтобы добраться до Калькутты.

Невозможно было возражать на такой убедительный довод.

Действительно железная дорога прерывалась у Кольби. Что касается газет, то они иногда напоминают собою часы, забегающие вперед; так и на этот раз они возвестили прежде времени об окончании пути. Большею части путешественников известна была предстоявшая остановка и они поспешили, по выходе из вагонов, запастись различными экипажами, которые возможно было достать в селении: тележками, колесницами, напоминавшими собою величественные пагоды, паланкинами, пони и т. п. Все экипажи были быстро разобраны, так что мистер Фогг и сэр-Френсис Кромарти напрасно искали в целом селении какого-либо способа передвижения.

— Я иду пешком, — сказал Филеас Фогг.

Паспарту при этих словах сделал многозначительную гримасу и посмотрел на свои прекрасные, но слишком легкие туфли. По счастью, он открыл новый способ передвижения.

— Сэр, — сказал он с некоторым колебанием, — я кажется нашел способ для продолжения пути.

— Какой?

— Слона! Слона, принадлежащего Индийцу который живет шагах во ста отсюда.

— Пойдем, посмотрим слона, — отвечал мистер Фогг.

Пять минут спустя мистер Фогг, сэр-Френсис Кромарти и Паспарту приблизились к хижине, окруженной двором. В хижине жил Индеец, а на дворе помещался его слон. По просьбе наших путешественников, Индеец повел их смотреть слона.

Слон его был еще не совсем приручен; хозяин его хотел воспитать его не для перевозки тяжестей, а для боя. С этою целью он намеревался постепенным ожесточением кроткого от природы нрава животного, довести его до того состояния ярости которое по-индусски называется *муч*, и для этого намеревался в течении нескольких месяцев кормить его исключительно сахаром и маслом. Подобный способ ожесточения может показаться невероятным, но он успешно употребляется в дело воспитателями слонов. К счастью, слон о котором мы говорим, только несколько дней тому назад подвергнут был диете, и *муч* еще не обнаруживался.

Киуни — так звали слона — как и все животные его породы, мог долго и скоро идти не утомляясь, и Филеас Фогг решил прибегнуть к нему за неимением другого экипажа.

Но в Индии слоны становятся редки и потому они очень дороги. Особенно дороги самцы, употребляемые для боя в цирках. Прирученные слоны размножаются редко, так что охота представляет единственное средство добывать их. Последние здесь пользуются тщательным уходом, и на просьбу мистера Фогга уступить ему на несколько часов слона, Индиец отвечал отказом.

Фогг настаивал на своей просьбе и сначала предложил хозяину слона по десяти фунтов в час, цену весьма значительную. Но хозяин не согласился и на предложенные ему потом двадцать, и даже сорок фунтов. Паспарту подпрыгивал при каждом новом набавлении цены. Но Индиец оставался непреклонным.

А между тем предложение было чрезвычайно выгодно. Если бы слон совершил путешествие в Аллахабад в течении пятнадцати часов, то оно доставило бы его хозяину 600 фунтов!

Тогда Филеас Фогг, не терявший своего обычного спокойствия, предложил Индийцу продать ему слона за тысячу фунтов.

Но Индиец не хотел продавать слона! Быть может он предугадывал возможность еще более выгодной сделки.

Сэр-Френсис Кромарти отвел в сторону мистера Фогга и убеждал его не надбавлять более цены не обдумавши хорошенько. Филеас Фогг отвечал ему, что он не имеет обыкновения делать что-либо необдуманно, и что дело шло о том, чтобы выиграть пари в двадцать тысяч фунтов, что слон был ему необходимо нужен, и что он намерен был приобрести его, если б ему даже пришлось заплатить за него в двадцать раз более, чем он стоил в действительности. Мистер Фогг снова обратился к Индийцу, узкие глаза которого, заблестевшие при мысли о деньгах, свидетельствовали, что он ожидал лишь набавления цены. Филеас Фогг постепенно увеличивал ее, сначала до двухсот, потом до пятисот, потом до восьмисот, и наконец до двух тысяч фунтов (15.000 рублей). Паспарту, обыкновенно румяный, от волнения был бледен как полотно.

На две тысячи фунтов Индиец согласился.

— Клянусь моими туфлями, — воскликнул Паспарту, — дорого же он ценит мясо своего слона!

Торг был окончен, и путешественникам оставалось только найти проводника. Один молодой Парсис с умным лицом предложил им свои услуги. Мистер Фогг согласился и обещал ему хорошее вознаграждение.

Слон немедленно был приведен и навьючен. Парсис был искусным карнаком, то есть вожак слона. Он набросил на спину слона покрывало, походившее на попону, и к бокам его привесил два седалища, чрезвычайно неудобные.

Филеас Фогг расплатился с Индийцем банковыми билетами, хранившимися в пресловутом мешке, который как будто сросся с Паспарту. Затем мистер Фогг предложил сэру-Френсису Кромарти доехать с ним вместе до Аллахабада. Генерал согласился на его предложение, так как один лишний человек не мог обременить громадного животного.

В Кольби куплены были съестные припасы. Сэр-Френсис Кромарти поместился на одном из седалищ, Филеас Фогг на другом. Паспарту уселся верхом на покрывале, между своим господином и генералом. Парсис взобрался на шею животного, и в девять часов слон оставил селение и направился в чащу пальмового леса, по которому пролегал кратчайший путь.

XII. Филеас Фогг и его спутники пускаются в леса Индии

Проводник, с целью сократить предстоящий путь, оставил вправо полотно дороги, над проведением которой уже работали. Полотно это, извивавшееся между причудливыми разветвлениями Виндиасских гор, вело не кратчайшим путем, какой необходим был для Филеаса Фогга. Парсис, хорошо знакомый с дорогами и тропинками страны, полагал выиграть миль двадцать, перерезав лес поперек, и все общество доверилось ему. Филеас Фогг и сэру-Френсис Кромарти, зарытые по горло в свои корзины с подушками, испытывали сильные толчки от неровной походки слона, которого карнак заставлял идти скорым шагом. Но это неудобство они переносили с равнодушием истых Британцев, причем редко говорили между собой и едва могли видеть друг друга. Что касается Паспарту, то последний, сидя на спине животного, и непосредственно принимая все толчки, остерегался, по приказанию своего господина, держать язык между зубами, в противном случае он рисковал бы его откусить себе. Ему стоило невероятных усилий сохранить равновесие своего тела. Несмотря на это, он шутил, смеялся, делая невольные прыжки, доставал из своего мешка кусок сахара и подавал смышленому *Киуни*, который брал его концом хобота, ни на минуту не замедляя при этом своего ровного хода. После двухчасовой езды, проводник остановил слона и дал ему часок отдохнуть. Животное стало обкусывать ветки и кусты, утолив пред тем свою жажду в соседнем болоте. Сэр-Френсис Кромарти не сетовал на эту стоянку — он чувствовал себя разбитым. Мистер Фогг казался таким бодрым, как будто только что встал с своей постели.

— Он просто из железа скован! — сказал генерал, поглядывая с удивлением на своего спутника.

— Из литой стали, — возразил Паспарту, занимавшийся приготовлением несложного завтрака.

В полдень, проводник подал знак к отъезду. Страна вскоре приняла дикий вид. Огромные леса сменились тамариндовыми кустарниками и малорослыми пальмами, затем потянулись обширные бесплодные равнины, усеянные тощими кустиками и огромными глыбами сиенита. Вся эта часть верхнего Бунделькунда, редко посещаемая путешественниками, заселена народом фанатическим, закоснелым в самых ужасных обрядах индуcской религии. Английское владычество не могло правильно утвердиться на почве подчиненной влиянию раджей, до которых трудно было добраться в их неприступных жилищах, среди Виндиасских гор. Несколько раз встречались им шайки диких Индусов, которые гневными взорами провожали быстро удалявшееся животное. К тому же Парсис насколько возможно избегал их, считая встречу с подобными людьми не совсем для себя безопасно. В этот день им немного попадалось зверей; только несколько обезьян, разбегавшихся с тысячько ужимок и с кривляньем, которыми от души забавлялся Паспарту. Между прочим одна мысль тревожила его: что будет делать мистер Филеас Фогг со слоном, когда придет в Аллагабад? Возьмет ли его с собой? Нет, это невозможно. Плата за переезд вдобавок к покупной цене была бы уже чересчур разорительна. Может быть, его продадут или отпустят на свободу? Это почтенное животное заслуживает особенного внимания. Если бы так случилось, что мистер Фогг подарил слона ему, Паспарту, то это бы его сильно озадачило. Эти мысли не переставали его озабочивать. В восемь часов вечера, главная цепь Виндиасов была уже пройдена, и путешественники остановились у подножия северного склона, в каком-то полуразрушенном здании.

В этот день они сделали двадцать пять миль, и оставалось еще столько же, чтобы достигнуть Аллагабада. Ночь была холодная. Парсис развел огонь из сухих ветвей, теплота которого была неоцененна для путешественников. Ужин состоял из съестных припасов, купленных в Кольби. Путешественники ели, как только могут есть люди измученные, разбитые. Разговор, начавшийся отрывочными речами, перешел в звонкое храпение. Проводник остался стеречь *Киуни*, который заснул стоя, опершись на ствол толстого дерева. Ночь не ознаменовалась никаким событием. Только рыкание леопардов и пантер, к которому примешивался пронзительный хохот обезьян, нарушали по временам тишину. Но хищники ограничились криками и не обнаружили никаких враждебных замыслов относительно наших путешественников. Сэр-Франсис Кромарти спал мертвым сном, как храбрый офицер, изнуренный усталостью. Паспарту в своем тревожном сне переживал скачки последнего дня. Что же касается мистера Фогга, то он отдыхал так же спокойно как в своем мирном жилище в Савиль-Роу. В шесть часов утра, они снова двинулись в путь. Проводник надеялся в тот же вечер добраться до Аллагабада. Таким образом, мистер Фогг должен был потерять лишь часть сорокавосемьчасового времени, остававшегося у него в запасе при начале путешествия. Путешественники спустились с последнего склона Виндиасов. *Киуни* снова пошел своею быстрою иноходью. К полудню, проводник повернул мимо селения Календжера, расположенного на берегу Кани, одного из притоков Гангеса. Он избегал селений, находя более безопасности в пустынных местностях, где впервые стали попадаться следы бассейна вышеупомянутой громадной реки. Аллагабад находился не более как в двенадцати милях расстояния к северо-востоку. Снова сделали стоянку, под купой банановых деревьев, плоды которых, столь же здоровые как хлеб, и по свидетельству путешественников, *столь же сочные как сливки*, пришлось как нельзя больше кстати. В два часа проводник вступил в чащу густого леса, который приходилось пересекать на расстоянии многих миль. Он предпочитал дорогу лесом. Как бы то ни было, до сих пор не случилось никакой неприятной встречи, и путешествие, по-видимому, должно было окончиться без приключения, как вдруг слон, с выражением какой-то тревоги, внезапно остановился. Тогда было четыре часа.

— Что такое случилось? — спросил сэр-Френсис Кромарти, высовывая голову из-за своей корзины.

— Не знаю, г. офицер, — отвечал Парсис, прислушиваясь к смутному шуму, доносившемуся из-за густой зелени.

Несколько минут спустя, шум этот сделался еще явственнее. Слышалось какое-то, хотя еще отдаленное, смешение человеческих голосов и медных инструментов. Паспарту вслушивался всем существом своим. Мистер Фогг ждал терпеливо, не произнося ни слова. Парсис спрыгнул на землю, привязал слона к дереву и углубился в самую густую чащу леса. Через несколько минут он вернулся, говоря:

— Процессия браминов, направляющихся в эту сторону. Если возможно, то постараемся от них скрыться.

Проводник отвязал слона и отвел его в чащу, советуя путешественникам отнюдь не сходить на землю. Сам он был наготове быстро ухватиться за животное, если бы бегство сделалось необходимым. Но он полагал, что толпа пройдет, не заметив его, так как густые ветви совершенно скрывали его от глаз. Нестройный шум голосов и инструментов приближался. Однообразное пение сливалось со звуками барабанов и цимбалов. Вскоре голова процессии показалась из-за деревьев, в пятидесяти шагах от пункта, занимаемого мистером Фоггом и его спутниками. Они хорошо могли рассмотреть сквозь ветки любопытный

персонал этой религиозной церемонии. Впереди всех подвигались жрецы, с митрами на головах и в длинных расшитых галунами одеждах. Их окружали мужчины, женщины, дети, которые пели нечто в роде погребальных псалмов, прерываемых в равные промежутки времени звуками там-тама и цимбалов. За ними, на колеснице с огромными колесами, которых спицы и шипы представляли собой переплетенных змей, появилась отвратительная статуя, — ее везли две пары зебу, богато украшенных. У этой статуи было четыре руки, тело окрашено было в темно-красный цвет, глаза блуждающие, волосы включенные, язык высунутый, губы намазанные соком лавзонии и бетела. Вокруг ее шеи извивалось ожерелье из мертвых голов; вокруг ее стана был пояс из отрезанных рук. Она стояла во весь рост на опрокинутом гиганте без головы. Сэр-Френсис Кромарти узнал эту статую.

— Это богиня Кали, — пробормотал он, — богиня любви и смерти.

— Смерти, положим, но любви — нет! — сказал Паспарту тихим голосом. — Что за отвратительная старуха.

Парсис знаком велел ему замолчать.

Вокруг статуи волновалась, бесновалась в судорогах группа старых факиров, расписанных полосами из охры, покрытых крестовидными насечками, из которых каплями точилась кровь; такие иступленные фанатики, при больших индусских церемониях, бросаются под колесницу Джагернаута. Позади их, несколько браминов, во всем великолепии восточных костюмов, влекли женщину, едва державшуюся на ногах. Женщина эта была молода и бела как Европейка. Ее голова, шея, плечи, уши, руки, большие пальцы на ногах увешены были драгоценностями, ожерельями, браслетами, пряжками, кольцами. Туника, вышитая золотом и покрытая легкой кисеей, обрисовывала ее стан. Вслед за молодой женщиной — как бы для ужасного контраста — стражи, вооруженные мечами наголо и длинными дамасскими саблями, несли на паланкине мертвеца. То был труп старика, облаченного в пышную одежду раджи, как и при жизни, с тюрбаном на голове, вышитым жемчугами, в платье, сотканном из шелку и золота, в кашемировом поясе с алмазами, и во всем своем великолепном вооружении индусского государя. Шествие замыкали музыканты и аррьергард фанатиков, крики которых по временам покрывали оглушительный гром инструментов. Сэр-Френсис Кромарти с необыкновенно печальным видом смотрел на эту пышную церемонию и, обратясь к проводнику, сказал:

— Это *сутти* ?

Парсис сделал утвердительный знак и положил палец на губы. Длинная процессия медленно тянулась между деревьев, и скоро последние ряды ее исчезли в глубине леса. Мало-помалу пение затихло. Послышались еще крики в отдалении, и наконец за всем этим гамом последовала ненарушимая тишина. Филеас Фогг услышал слово, произнесенное сэр-Френсисом Кромарти, и лишь только процессия исчезла, он спросил у него:

— Что означает слово *сутти* ?

— *Сутти* , мистер Фогг, — отвечал генерал, — есть не что иное как человеческая жертва, но жертва добровольная. Эта женщина, которую вы сейчас видели, будет сожжена завтра при первых лучах света.

— Ах, негодяи! — воскликнул с негодованием Паспарту.

— А этот труп? — спросил мистер Фогг.

— Государя ее супруга, — отвечал проводник, — он был независимый раджа в Бунделькунде.

— Каким же образом, — продолжал Филеас Фогг, между тем как в голосе его не было слышно ни малейшего волнения, — эти варварские обычаи еще существуют в Индии, и Англичане не могут их искоренить?

— В большей части Индии, — отвечал сэр-Френсис Кромарти, — жертвы эти более уже не приносятся. Но мы не имеем никакого влияния на эти дикие местности, в особенности же на территории Бунделькунд. Весь северный склон Виндиасов бывает театром убийств и непрерывных грабежей.

— Несчастливая, — бормотал Паспарту, — ее сожгут живую!

— Да, — отвечал генерал, — сожгут, а если бы не сожгли, то вы не можете себе представить в какое положение повергли бы ее ближние. Ей бы обрили волосы, кормили бы ее несколькими горстями рису, все бы отвернулись от нее, глядели бы на нее как на нечистое существо, и она бы умерла в каком-нибудь углу как паршивая собака. Перспектива такого ужасного существования скорее, нежели любовь или религиозный фанатизм, побуждает несчастных идти на казнь. Иногда же жертвоприношение это бывает действительно добровольное, и необходимо энергическое вмешательство правительства, чтобы воспрепятствовать ему. Таким образом, несколько лет тому назад, когда я жил в Бомбее, одна молодая вдова пришла к губернатору просить позволения сжечь себя вместе с телом мужа. Как вы можете представить себе, губернатор отказал ей. Тогда вдова оставила город, нашла убежище у независимого раджи, и все-таки принесла себя в жертву.

Во время рассказа сэр-Френсиса, проводник покачивал головой, а когда тот кончил, он сказал в свою очередь:

— Сожжение, которое будет происходить завтра при восходе солнца *не* добровольное.